

РУССКИЙ ЭТНОС В XX ВЕКЕ: ЭТАПЫ КРИЗИСА ЭКСТЕНСИВНОЙ КУЛЬТУРЫ *

(ГИПОТЕЗЫ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ)

А.А.Сусоколов

Случайно или закономерно все, что происходит с Российской цивилизацией в XX веке? Было ли “торжество реального социализма” так же, как и его крах, результатом активности каких-либо внутренних или внешних политических сил, отклонившей Россию от ее естественного исторического маршрута, или это следствие закономерного развития этнокультурной системы, центром которой является русский этнос? Попытка ответа на эти вопросы в терминах этноэкологической модели содержится в данной статье.

1. Введение.

Кризис советской социалистической системы, обострение этнических конфликтов в ряде регионов России и в странах ближнего зарубежья стимулирует интерес к осмыслению исторических судеб и тенденций развития русского этноса. Еще в первой трети XX в. существовала традиция связывать попытку воплощения идей социализма на территории бывшей Российской Империи именно со спецификой менталитета русского этноса, с историческими особенностями его развития. Были ли события, охватившие период жизни трех поколений, чем-то уникальным в истории человечества или они лишь специфическая форма проявления общих закономерностей? Вытекали ли эти события из внутренней логики развития русского этноса и поэтому были практически неизбежны, или был реально возможен совсем иной путь его развития, а вместе с ним и всей системы, 70- лет носившей имя СССР?

Вопросы эти метафизические — проверить истинность того или иного положения все равно невозможно, так как историю не переиграешь заново. Однако это не снимает целесообразности подобного рода исследований. Прежде всего потому, что для движения вперед необходимо иметь концепцию пройденного маршрута, даже

3

* Данная статья является продолжением серии работ по проблемам экологии этноса, основными из которых являются: Сусоколов А.А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. Вып.20. М.,1990; Степанов В.В., Сусоколов А.А. Этнос и его среда // Человек. 1990. N 5.

если это представление окажется неверным в деталях — проще уточнить или исправить с учетом новых данных имеющуюся карту, чем не иметь ее вовсе.

Появление данной работы вызвано стремлением автора объяснить самому себе некоторые противоречия в интерпретации экономического и политического развития русского этноса в XX в. Она является не изложением результатов законченного исследования, а скорее совокупностью гипотез, вытекающих из концепции кризиса экстенсивной культуры как главного фактора развития русского этноса в XX в. И хотя там, где это возможно, мы стремились использовать имеющуюся в нашем распоряжении статистику, тем не менее очевидно, что большинство положений данной концепции требуют тщательной эмпирической проверки. Вместе с тем автор прекрасно понимает, что основные тезисы, лежащие в основе данной концепции, не новы и неоднократно встречались в работах других авторов. Мы лишь пытаемся здесь связать между собой эти тезисы и проследить, насколько это возможно, их логические следствия.

К сожалению, ведущим мотивом в дискуссиях о судьбах русского этноса, ведущихся в последние годы на страницах научных и научно-публицистических изданий, зачастую оказываются не столько стремление к познанию истины, сколько политические пристрастия их участников. Наибольший интерес вызывает период с конца XIX в. по настоящий момент. Преобладают два противоположных подхода. Первый — наиболее распространенный — считать, что естественный ход развития русского этноса в тот или иной период был нарушен вмешательством некоторых внешних по отношению к нему сил; второй — видеть во всех драматических событиях русской истории XX в., и прежде всего в идеологии русского социализма, проявление традиционных черт “русского менталитета”. Каждый из этих подходов встречается в работах авторов самых разных политических ориентаций. Хотя каждый из них, безусловно, содержит в себе какую-то долю истины, однако попытки основать на одном из них целостную концепцию развития русского этноса неизбежно приводят к парадоксам. Действительно, если глубинные культурные основы огромного народа, создавшего своеобразную цивилизацию, в течение нескольких недель 1917—1918 гг. могли быть разрушены небольшой, маломощной, не имевшей в тот момент ни крупных капиталов, ни сильной организации партией, то возникает вопрос, почему же другие политические и экономические группировки тогдашней России (например, русская буржуазия, дворянство, купечество или, наконец, все они сплотившись) не смогли убедить свой собственный народ двигаться в ином направлении? Ведь ресурсы, которыми они обладали, значительно превосходили ресурсы той самой партии. Ссылка на насилие как решающий фактор в построении социализма в России не выдерживает критики. Во-первых, ресурсы для осуществления этого насилия брались из недр этого же самого народа. А во-вторых, почти все противодействовавшие большевикам группировки также опирались на насилие и тем не менее проиграли. Дело, видимо, в том, что победившая партия более четко представляла себе реальные тенденции развития тогдашнего российского общества и более гибко сумела использовать в своих интересах эти тенденции.

Противоположная, на первый взгляд, традиция видеть в событиях истории русского народа в XX в. прежде всего воплощение глубинной “русской идеи” также оставляет открытыми ряд вопросов. Прежде всего, если все произошедшее — в первую очередь, следствие традиций, то чем же объяснить явные и очень заметные изменения и в структуре, и в установках русского этноса за этот период? Опять-таки кознями каких-то политических сил? Таким образом, оба этих подхода при всей их

противоположности в своих глубинных основах совпадают. Их общий недостаток, на наш взгляд, состоит в том, что открытым остается вопрос о закономерности или случайности произошедших событий и, соответственно, о перспективах развития России.

2. Культуры экстенсивные и интенсивные.

В основу концепции, лишенной части этих недостатков, на наш взгляд, может быть положена идея о кризисе русской культуры как культуры экстенсивной, о переходе ее в фазу интенсивного развития, которая началась во второй половине XIX в., продолжается до настоящего момента и еще достаточно далека от завершения. В общем виде эта гипотеза может быть сформулирована следующим образом.

В течение всей своей истории русский этнос развивался экстенсивным путем, непрерывно, по крайней мере с XVI в., увеличивая территорию своего расселения. В сферу его жизнедеятельности вовлекались все новые земли, являвшиеся основным ресурсом сельскохозяйственного производства — главной отрасли хозяйства. Соответственно, практически неограниченным было и количество других ресурсов, потенциально доступных в каждый момент времени (леса, топлива, металлов и т. п.). Одновременно, вплоть до середины XX в., сохранялся высокий естественный прирост, особенно ускорившийся в конце XIX — начале XX в., в процессе демографического перехода, за счет резкого падения уровня смертности при сохранении высокой рождаемости. Таким образом, и людские ресурсы были практически не лимитированы. Все это способствовало экстенсивному развитию русского этноса. Экстенсивный характер развития отличал русскую культуру как от культур Западной Европы, где такие возможности были исчерпаны к XII—XIV вв., так и от цивилизаций Юго-Восточной Азии, в частности, Китая, Японии, Кореи. Культуры, ставшие сейчас для нас референтными, в течение многих столетий развивались как культуры преимущественно интенсивные. Периоды колонизации в истории интенсивных культур не меняли общего их характера. Во-первых, колонизацию проводили культуры (этноты), уже сформировавшиеся в условиях ограниченности основных ресурсов, т. е. как интенсивные. Во-вторых, колонизируемые земли никогда (или почти никогда) не становились “внутренними” территориями для этих культур. Они там лишь присутствовали, но по-настоящему не доминировали. В отличие от этого русская колонизация в силу географических причин превращала колонизируемые земли во “внутренние” территории русского этноса. Индия и Северная Америка для Англии, Латинская Америка для Испании и Португалии, Африка для всех стран Европы, Манчжурия и Китай для Японии всегда были заморскими территориями. Сибирь, Новороссия, осваивавшиеся русскими приблизительно в те же годы и даже позже, становились и воспринимались как “исконно русские земли”. И даже Казахстан, Средняя Азия и Закавказье рассматривались до известной степени так же. Это различие в характере развития культур глубоко проникло в их плоть и кровь, закрепилось на уровне этнических традиций. Однако со второй половины XIX в. наступает новый период в развитии русского этноса — происходит постепенное сокращение возможностей экстенсивного развития. Традиции, заложенные самой историей в основу русской культуры, перестают соответствовать новой ситуации. В связи с этим русский этнос как целостная этнокультурная система испытывает “культуршок”, проявляющийся как на индивидуальном, так и на групповом

уровне. Для того чтобы сохраниться как целостная культурная система, этнос должен выработать в себе механизмы, соответствующие требованиям интенсивной культуры. Однако столкнувшись с необходимостью коренной перестройки, этнос на первом этапе перехода способен придерживаться только тех традиций, которые заложены в нем на момент начала кризиса. Поэтому первой его реакцией является форсирование, доведение до крайнего предела прежних принципов экстенсивного развития. Эта стадия развития исторически необходима потому, что делает очевидным несоответствие традиционных принципов экстенсивного развития новой ситуации. Вследствие этого наступает второй кризис экстенсивного развития. Можно предположить, что период между первым и вторым кризисом экстенсивного развития русского этноса соответствует периоду "строительства социализма". Этот этап является началом перехода от экстенсивного к интенсивному развитию. В корне меняется не только политическая структура и нормы, соответствующие экстенсивному этапу развития этноса, технологические принципы, но — самое главное — основы обыденного мировоззрения людей, формируются зародыши новой, интенсивной культуры. В целом этот процесс перехода достаточно длителен, он не ограничивается 20—80-ми гг. XX в. Его длительность и характер протекания определяются не только внутриэтническими, но и внешними по отношению к этносу факторами.

Согласно этой гипотезе, как кризисные состояния этноса, так и пути выхода из них являются не результатом волеизъявления отдельных лидеров или партий, а следствием глубинных закономерностей развития этноса. Действия лидеров, способы и формы их правления в конечном итоге отражают тенденции развития этноса и его состояние в каждый данный момент.

6 В отличие от рассмотренных выше "детерминистской" и "волютаристской" моделей данный подход опирается на два общепринятых в социологии положения. Во-первых, это представление о взаимосвязи различных сторон этноса и о зависимости социального и экономического развития от психологических и культурных особенностей. Во-вторых, это принцип культурной инерции, или традиции. Общество может существовать, только поддерживая определенный культурный стандарт — устойчивую систему ценностей, норм поведения, принципов технологии, эстетических образцов и т. д. Этнос является механизмом, обеспечивающим устойчивость культурной традиции. Изменение культурной традиции происходит скачками, через прерывание постепенности культурных изменений. Однако "скачок" не означает полную утрату культурной идентичности, и между двумя соседними стабильными состояниями этноса всегда есть значительная преемственность норм, символов, эстетических принципов и т. д., даже при переходе от экстенсивной культуры к интенсивной.

Деление культур на экстенсивные и интенсивные достаточно условно, и в рамках каждой культуры можно говорить лишь о преобладающей тенденции к интенсивному или экстенсивному характеру ее развития. Сущностью любой культуры является информационная инерция, то есть стремление группы сохранить совокупность выработанных образцов жизнедеятельности на возможно длительный срок. Эта инерция является следствием информационной ограниченности каждого отдельного индивидуума. Если бы не эта ограниченность, люди могли бы с любой скоростью перестраивать свое поведение, осуществляя индивидуальную адаптацию ко все новым и новым требованиям социальной и природной среды. Благодаря коллективной информационной инерции каждой культуре свойственно стремление

стать экстенсивной, т. е. привлекать неограниченное количество природных и человеческих ресурсов для того, чтобы утилизировать их с помощью ранее выработанных привычных приемов. Однако одной интенции к экстенсивности мало, чтобы реально сохранять это качество. Признаком экстенсивной культуры является не само по себе стремление к непрерывному вовлечению ресурсов — без этого ни одна культура существовать не может, а возможность привлечения практически неограниченного количества природных и людских ресурсов в течение короткого периода, необходимого для того, чтобы снять противоречия внутри социума, возникающие в результате их дефицита. Отличительной чертой экстенсивной культуры является ограниченность круга используемых ресурсов, в то время как необходимость адаптации в условиях постоянной ограниченности ресурсов обуславливает универсализм интенсивных культур в отношении ресурсов. Ни одна культура в течение всего периода своего существования не бывает только интенсивной или только экстенсивной. Как правило, на начальных этапах развития в любой культуре преобладают экстенсивные механизмы. С течением времени, по мере исчерпания возможностей экстенсивного развития, в них начинают преобладать интенсивные механизмы. Однако длительное, в течение жизни многих поколений, функционирование культуры в качестве экстенсивной или интенсивной ведет к закреплению основных качеств данной культуры, они становятся как бы ее генетическими признаками; отказ от глубинных качеств культуры очень болезненно сказывается на ее устойчивости и может угрожать существованию культуры в целом.

Ни один этнос не развивается сам по себе — он всегда включен во всемирную цепь культурных связей. И это зачастую оказывает решающее влияние на его судьбы, сравнимое с влиянием внутренних факторов развития. В полной мере это относится к русскому этносу. Действительно, формирование индустриального и постиндустриального общества на территории России протекает совсем иным путем, нежели в Западной Европе или в странах Юго-Восточной Азии. Культуры, значительно более удаленные и изолированные от влияния Европы и Северной Америки, нежели Россия, и долгое время отстававшие от нее по уровню технологического развития, в течение жизни одного — полутора поколений после II мировой войны совершили колоссальный технологический и социальный скачок, адаптировали наиболее передовые западные технологии и создали социальные механизмы, позволяющие превосходить Запад по ряду важнейших экономических и социальных параметров. Русский этнос после колоссального социального и профессионального скачка конца XIX — первой половины XX в. постепенно с середины 60-х гг. перешел в фазу стагнации технологического и социального развития, что и привело в конечном итоге к краху русского социализма. В чем причины столь различных судеб этнокультурных систем под влиянием одного и того же фактора — воздействия более высоких и совершенных технологий, порожденных в других культурах? В рамках развиваемой здесь концепции ответ выглядит достаточно очевидным. Технологии, легшие в основу европейской цивилизации, были созданы в основном после XVI в., то есть в процессе интенсивного развития европейской цивилизации. Более того, они сами были средством разрешения проблем, возникавших в процессе развития интенсивной европейской цивилизации.

Культуры Юго-Восточной Азии сформировались в качестве интенсивных задолго до начала массовой экспансии европейской цивилизации. При всем внешнем отличии от европейских культур, их роднит с последними целый ряд черт, свойственных всем интенсивным культурам, — профессионализм и высокий уровень спе-

циализации, универсализм в использовании ресурсов, экономное отношение к ресурсам и тщательность обработки изделий, приоритет этикета как совокупности правил межличностного общения перед “аффективными” отношениями, приоритетное значение формы в области эстетики по сравнению с содержанием и т. д.

К моменту начала процессов модернизации в большинстве стран Юго-Восточной Азии уровень урбанизации был очень низок, практически не начинался демографический переход, в отраслевой структуре преобладали традиционные направления сельскохозяйственного производства, в социальной жизни доминировали традиционные институты общества, специальное и профессиональное образование находилось на низком уровне развития. Однако интенсивный характер традиционных структур обусловил совсем иное протекание процессов модернизации, чем в России, и в значительной степени иные последствия.

Интенсивные традиционные культуры при прочих равных условиях оказываются более устойчивыми в процессе урбанизации, чем экстенсивные — для них шаг в этом направлении оказывается гораздо меньшим, чем для экстенсивных культур — ведь город по самой своей сути есть институт интенсивных культур. Именно поэтому легче воспринимаются и адаптируются в таких культурах технологии, разработанные в рамках западно-европейской цивилизации, — сказывается глубинное сходство таких культур с последней.

Итак, вопрос номер один — был ли готов русский этнос в начале XX в. к тому, чтобы начать развиваться в качестве открытого общества с рыночной экономикой и тем самым избежать многих трагических страниц своей истории и “роковых ошибок” и мог ли он продолжить относительно спокойно развиваться по тому пути, по которому шел в течение нескольких десятилетий до политического переворота 1917—1918 гг.?

8 Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего проследить характеристики основных процессов, протекавших в это время в его недрах. Главным из таких процессов была урбанизация.

3. Русский этнос на рубеже XIX—XX вв. — начало кризиса экстенсивной культуры.

1) Уровень урбанизации.

Несомненно, что уровень урбанизированности российского общества в целом и русского этноса в частности не только на рубеже веков, но и в середине XX в. был значительно ниже, чем в Западной Европе. И дело не только в доле городского населения, но и в качественных характеристиках городов.

К моменту проведения переписи населения 1926 г. доля горожан среди русских составляла всего 21,3%, причем в пределах РСФСР — всего 19,6% (1), что говорит о невысоком уровне урбанизированности этноса (хотя у абсолютного большинства других народов СССР этот показатель был еще ниже). Однако именно в эти годы сложился тот “социальный заряд”, то скрытое напряжение, которое привело к “взрыву” процессов экстенсивной урбанизации в 30—50-х гг.

Для сравнения отметим, что доля городского населения в зарубежной Европе в 1920 г. была втрое выше (46%), а в Северной Америке и того больше (52%). В со-

временной Африке и Южной Азии доля горожан сейчас составляет 35—40%, т. е. значительно больше, чем в России в первой трети XX в.

Доля горожан в населении — очень поверхностный и приблизительный, хотя и необходимый показатель урбанизации, сущность которой — развитие общественного разделения труда и формирование нового типа межличностных отношений, основанного на формализованных контактах, на законопослушании, а не на личной воле, симпатиях и антипатиях.

Для того чтобы город играл свою роль по отношению к селу как технологический, торговый, обслуживающий, управляющий центр, необходима определенная система расселения, плотность городских населенных пунктов. По этим показателям не только весь Советский Союз или Российская Федерация, но даже наиболее освоенная и густозаселенная его территория — Европейская часть, где проживала и основная часть русского этноса, значительно отставали от Западной Европы. Так, среднее расстояние между городскими населенными пунктами в Европе составляло в начале века 15—20 км, в то время как в европейской России оно было в 8—10 раз больше. Следовательно, для значительной части русского сельского населения города находились вне пределов двух-трех часовой или даже дневной доступности пешком или на лошади. Необходимо учитывать также низкое качество российских дорог.

Урбанизация — процесс не только географический и технологический, но и социальный. Развитие европейских городов создавало новый менталитет, новый образ мышления, новую систему отношений, новую этику, новый тип личности, наконец, новые механизмы накопления и трансмиссии этнокультурной информации.

Основная черта этой этики базировалась на высоком уровне специализации и вытекающей из него обезличенности человеческих отношений, высоком статусе закона по сравнению с личной властью и т. д. Все эти черты в корне несовместимы с образом жизни сельской общины.

Поэтому на ранних этапах развития полноценный город должен не просто “отделиться” от деревни — он должен противопоставить себя деревне. Для этого должны сформироваться многочисленные городские общины, вхождение в которые означает разрыв с сельской общиной. Специфика российской урбанизации, неоднократно отмечавшаяся разными исследователями, состояла в том, что город зачастую выступал не как контрагент, а как прямое продолжение села в социальном смысле. В пользу этого говорят следующие факты.

а) Генетически многие русские города, особенно малые, образовались не в результате естественно-исторического процесса распада сельских общин, а как следствие административного преобразования нескольких соседних или одного крупного сельского поселения в городское. И хотя структура занятости населения и социальные функции новоявленного города постепенно приходили в соответствие с новым статусом, однако общинные традиции надолго запечатлелись среди его населения.

б) В социальном отношении даже старые и крупные города все-таки часто не были настоящей альтернативой селу. Значительно выше, нежели в Европе, была доля горожан, занятых в сельском хозяйстве. Сохранение вплоть до 1917 г. сословий способствовало тому, что даже среди горожан, занимавшихся ремеслом, промышленностью и торговлей, многие были связаны межличностными узами с аграрным населением, а зачастую и сами числились крестьянами.

в) Наконец, юридически российские города также задержались в своем развитии по сравнению с городами Европы. Чтобы выполнять свою историческую роль, город должен в течение жизни многих поколений функционировать как самостоятельная, самоуправляющаяся общность. Именно это и наблюдалось в Европе на протяжении как минимум четырех — пяти столетий. Юридический статус российских, прежде всего русских, городов традиционно был иным. Они, как правило, являлись проводниками центральной государственной власти. Городские самоуправления просуществовали с 1785 г. около 140 лет — в течение жизни пяти поколений. Однако ввиду общей слабости и несформированности групп городского населения эти самоуправления все же не смогли стать реальной силой, противостоящей давлению центральных властей (2). Юридический статус города определялся, исходя из “Городового положения”, принятого лишь в 1875 г. Однако, по всей видимости, статус городского поселения оставался недостаточно определенным и устойчивым, поскольку различные источники на близкие по времени моменты дают разные данные о численности городов. Так, согласно энциклопедическому словарю “Россия”, на 1897 г. — дата проведения Первой Всеобщей переписи населения — самой переписью было учтено 865 городов; в Сборнике статистических сведений по России за 1896 г. их насчитывалось 919; по списку, составленному МВД, — 945, не считая местечек, число которых было свыше 1600 (3). А по данным, приводимым в популярном учебнике по социальной географии С.А.Ковалева и Н.Я.Ковальской, на 1917 г. приводится цифра — 655 городов (без ссылки) (4).

2) Кризис сельской общины.

Обратной стороной низкого уровня урбанизированности русского этноса была поразительная устойчивость сельской общины. Сельская община есть форма адаптации сельского труженика к социальной и природной среде в условиях низкоурбанизированного общества.

В обществах в развитыми традициями городского хозяйства и городской демократии община не нужна — все потребности крестьянина в орудиях труда, рынках сбыта, социальной защите и т. д. берет на себя город. Но для этого он должен быть “под боком” — на расстоянии одного — полутора часов пути (на лошади 10—20 км), и, кроме того, он должен быть настоящим городом, способным противостоять в случае необходимости давлению государства и крупного земельного собственника (лендлорда, помещика) и обеспечивающим крестьянина всем необходимым. В этом случае крестьянин может себе позволить быть фермером.

Когда же обеспечение орудиями труда, защита от природных и социальных катаклизмов лежат на самих крестьянах, они вынуждены поддерживать такой социальный организм, как сельская община. Ее характерные черты: универсализм трудовых навыков против городского профессионализма; приоритет личностных отношений над формализованными; уравнительный характер распределения основного средства производства по сравнению с расслоением и возрастающим неравенством — принципами городской жизни; внеэкономические формы обмена между членами.

Русский крестьянин, помимо своей основной “социальной функции” — выращивания хлеба и других пищевых и технических сельскохозяйственных культур, должен был заниматься массой других вещей — прежде всего изготовлением ору-

дий труда и средств передвижения, жилищным и хозяйственным строительством, торговлей. В Европе, обществе с более глубоким разделением труда, эти функции в значительной степени еще в позднем средневековье переместились в города. Вынужденный универсализм русского крестьянина был оборотной стороной низкой производительности его основного труда.

Как отмечал А.В.Чаянов, от одинаковой площади земли русский земледелец получает вдвое и втрое меньше продукта, чем крестьянин Западной Европы. Редкость городов и малочисленность городского населения породила, в частности, чрезвычайную дороговизну “городских” товаров и услуг. Именно этот момент называет А.В.Чаянов в качестве одного из основных факторов бедности русского крестьянина (5).

Несмотря на явную экономическую неэффективность, русская сельская община была очень устойчивым социальным образованием; вплоть до аграрной реформы большевиков, а кое-где и до коллективизации ее положительные стороны в глазах многих крестьян перевешивали негативные моменты.

Относительная стабильность русской сельской общины подтверждается следующими данными: “...если в 1877—1878 гг. на долю общинного землевладения приходилось 89% всех крестьянских дворов и 92,2% всей земли, то к 1905 г. соответственно 89,5% и 93,3%. В целом по России позиции общинного землепользования сохранились. К началу столыпинской реформы в 1906 г. русская передельная община пришла живой и действующий (6).

Выводы современного исследователя в целом совпадают со свидетельством А.В.Чаянова:

“Ошибка знаменитого указа Столыпина 9 ноября 1906 года и закона 14 июля 1910 года и состоит в том, что Столыпин хотел насильно разрушить общину. Этого делать не следовало. Там, где община уже отжила свой век, как на западе и юго-западе России, она умерла независимо от Столыпина. Там же, где она жива и нужна народу, ее не удалось разрушить и смелому министру старого режима.

Во многих местах общинная жизнь как бы замерла, и общины стали беспередельными. К 1913 году домохозяев беспередельных общин насчитывалось три с половиной миллиона. Поэтому, если принять во внимание и эти умершие уже общины, всего домохозяев, отвергающих общинно-передельную жизнь, можно насчитать свыше пяти с половиной миллионов человек. Это составляет около половины всех домохозяев, живших общинной жизнью.

Таким образом, община еще далеко не замерла. Она не должна искусственно насаждаться или искусственно разрушаться... Местным людям лучше известно, нужна ли община или нет” (7). Это написано знаменитым экономистом в 1917 г., до Октябрьской революции.

Внешняя устойчивость русской сельской общины не была следствием ее внутренней сбалансированности; она напоминала собой кипящий котел со слабо открытым клапаном — вплоть до самого взрыва он выглядит весьма респектабельно. Однако взрыв назревал. Главным признаком его приближения являлось растущее безземелье русского крестьянина. Оно было главной темой русских экономистов-аграрников в конце XIX — начале XX в. и еще более усилилось после революции.

Существовал миф, что земельная реформа, осуществленная в результате Октябрьской революции, превратила абсолютное число крестьян в середняков. Тем самым, на первый взгляд, сложились условия для стабилизации социальной ситуации на селе. Однако это лишь на первый взгляд. Условия военного коммунизма не

способствовали развитию каких бы то ни было экономических отношений вообще; НЭП многократно ускорил те социальные процессы на селе, которые развивались и до большевистского переворота, а именно: расслоение крестьянства — размывание слоя крестьянина-середняка. В ходе расслоения деревни происходило выделение небольшой части (не более 2—5%) относительно зажиточного крестьянства, имевшего 8—10 и более десятин земли, применявшего в небольших количествах сельскохозяйственную технику и наемный труд и продающего избыток продукта. С другой стороны, выделялась все большая часть неимущего и малоимущего крестьянства.

Вот как распределялась земля по наделам (по посевам) в первые годы Советской власти (8).

	1917	1919	1920
	%	%	%
Без посевных земель	11,3	6,6	5,8
С посевными до 4 десятин	58,0	72,1	86,0
С посевными от 4 до 8 десятин	21,7	17,5	6,5
С посевными свыше 8 десятин	9,0	3,8	1,7

12 Говорят ли эти цифры об “усреднении” крестьянства? Безусловно, нет. В дореволюционные времена надел земли на 1 хозяйство в 5—8 десятин в абсолютном большинстве губерний считался не средним, а минимальным и едва-едва был способен прокормить семью. В принципе, при использовании прогрессивных технологий можно процветать и на двух — трех гектарах земли. Однако для этого нужна развитая сеть городов, которые покупают продукты земледелия и продают технику, удобрения, ширпотреб, в которых разрабатываются передовые агротехнологии. Но именно города наиболее пострадали в ходе гражданской войны. Поэтому и возможности прокормить семью, а тем более нормально обеспечить ее с участка два — четыре га в 1920-х гг. по сравнению с началом века не увеличились, а уменьшились; данные, приведенные в таблице, говорят не об усреднении, а об обнищании крестьянства.

Каковы же причины “российского парадокса” — угнетающего безземелья при колоссальных территориях и относительно низкой плотности сельского населения?

Во-первых, это уже упоминавшаяся выше крайне низкая производительность сельскохозяйственного труда, обусловленная сохранением общины и слабым развитием городов. Низкая урожайность повышает размер среднего надела, необходимого для того, чтобы прокормить семью и понижает реальную и потенциальную товарность сельского хозяйства.

Во-вторых, дефицит сельхозугодий был обусловлен реальной ограниченностью земельных ресурсов. В течение многих столетий происходила непрерывная экспансия русского крестьянства на вновь осваиваемые земли. Однако в конце XIX в. и первой трети XX в. сначала перестает расширяться, а затем и сокращается территория потенциального сплошного расселения русского этноса — происходит утрата Аляски, Харбина, части Бессарабии, Польши и т. д. Эмиграция 1920—1940-х гг. не идет в счет, поскольку она оказалась практически исключенной из системы межличностных связей русского этноса. Крестьяне продолжали ехать в Сибирь, в Среднюю Азию, в Закавказье. Более того, произошел всплеск центробежных миграций

в период столыпинских реформ. Однако именно эти миграции показали иллюзорность представлений о безграничности осваиваемых пространств. В ряде регионов (например, в Средней Азии) русские удачно вписались в ситуацию, наладив производство продуктов, бывших дефицитными в регионе их вселения, в первую очередь, зерновых культур. Однако в большинстве случаев вновь осваиваемые земли были либо непригодны для оседлого земледелия, либо уже использовались местным населением.

Но главное препятствие дальнейшей миграционной экспансии заключалось, на наш взгляд, в низком уровне урбанизации русского общества. Ведь для эффективного освоения новых территорий нужна техника, строительные мощности, железные дороги и т. д. Все это невозможно обеспечить без высокого уровня урбанизации этноса. А города развивались медленно, одной из главных причин чего было экстенсивное развитие русского общества. Таким образом, получался замкнутый круг. Освоение новых земель тормозилось медленной урбанизацией, которая, в свою очередь, сдерживалась тем, что ресурсы общества уходили на экстенсивное освоение новых территорий.

Однако отсталость аграрных технологий и объективная ограниченность земель сами по себе еще не вели к безземелью, они лишь создавали для него предпосылки. Активным компонентом в процессе развития кризиса был высокий естественный прирост, характерный для русских на протяжении всего XIX в. и особенно усилившийся в конце XIX — начале XX в., с началом демографического перехода. Именно он обусловил критическое возрастание плотности русского сельского населения в центральных районах страны, приведшее в конечном итоге к кризису экстенсивной системы хозяйства.

3) Начало демографического перехода.

Начало демографического перехода — дата достаточно условная, однако в России ее обычно относят к 80—90-м гг. XIX в., когда началось падение уровня детской смертности и рождаемости в городах и некоторых промышленно развитых губерниях Европейской России (см. табл. 1).

Первые стадии демографического перехода среди русских (80-е гг. XIX в. — 20-е гг. XX в.) протекали весьма плавно, даже медленно. Это было связано с высокой долей сельского населения, медленным ростом городов, устойчивостью бытового уклада сельского населения. Поэтому основные черты режима воспроизводства русского населения, сложившиеся на рубеже веков, сохранялись вплоть до 30-х гг.

Именно сохранение традиционно высокого уровня рождаемости в русской деревне при резком падении смертности постепенно усиливало относительное безземелье русской деревни. При отсутствии среди абсолютного большинства русского крестьянства устойчивых традиций майората (наследование земельного надела одним — старшим — сыном), это неизбежно приводило к необходимости непрерывного дробления участков, а следовательно, подогревало очаг социальной напряженности в деревне.

Данные бюджетных обследований убедительно свидетельствуют, что вплоть до конца 20-х гг. XX в. в русском селе сохранилась демографическая «картинка», характерная для традиционного хозяйства и совершенно не соответствующая капиталистическим отношениям — размер семьи, зависящий, в первую очередь, от числа детей, в богатых семьях был значительно выше, чем в бедных. Так, в 1924—1927

гг. средний размер сельской пролетарской семьи составлял 1,8 чел., бедняцкой — 4,9, середняцкой — 5,4, кулацкой — 6,6 чел. (9). Это говорит о том, что богатство на селе достигалось прежде всего эксплуатацией детского труда в собственных семьях, а не труда наемных рабочих. Таким образом, лишний раз подтверждается, что “кулаки” 1920-х годов не были да и не могли быть полноценной буржуазией. Если бы сельская буржуазия сформировалась как класс, тогда она готовила бы своих детей к профессиональной карьере и не выделялась бы более высоким уровнем детности.

Таблица 1.

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (РУССКИЕ РЕГИОНЫ) И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Параметры демографического развития	Россия к.Х1Х-н.ХХ	Зап.Европа к.ХVII-ХVIII
Общий коэф. смертности (умерших в год на 1000 населения)	35	26
Коэф. младенческой смертности (умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся)	330	200
Средняя ожидаемая продолжительность жизни в момент рождения (лет)	29-м; 32-ж	5 (ж. и м.)
Средний возраст вступления в брак для женщин (лет)	8-20	25-27
Доля женщин, никогда не вступавших в брак	менее 5%	10-20%
Общий коэф. рождаемости (число рождений на 1000 населения в год)	50	34
Коэф. суммарной рождаемости (среднее число рождений на 1 женщину)	7,5	5
Режим замещения поколений (нетто коэф. воспроизводства)	1,4	1,5

Однако за 10 лет Советской власти произошли и существенные изменения в демографическом поведении русского этноса. Во-первых, приблизительно в 1,7 раза упал уровень младенческой смертности среди русских, который составлял в конце XIX в. приблизительно 33,0% (т. е. в течение года умирал каждый третий рожденный ребенок).

Во-вторых, после революции впервые смертность в русских городах стала ниже, чем в селах. Это существенная веха в процессе урбанизации; город становится образцом культуры не только духовной, но и бытовой.

В-третьих, наметился заметный разрыв в уровне рождаемости между городом и деревней. Так, в городах европейской части СССР рождаемость среди русских составляла в 1927 г. 3,41% в год, что на 10,6 промилле-пунктов ниже, чем у всего населения; приблизительно такое же соотношение наблюдалось среди русского населения европейской части РСФСР (4,54 и 3,52%). На первый взгляд, это может показаться удивительным, поскольку в города приезжали преимущественно молодые люди в самом активном возрасте. Однако жизненные условия в русских городах первых послереволюционных лет (да и в течение последующих десятилетий) не способствовали поддержанию высокого уровня рождаемости, так как темпы жилищного строительства и развития социальной инфраструктуры не давали возможности большинству мигрантов в города поддерживать необходимый уровень жизни. Но самое главное — начавшаяся культурная революция, быстро растущий уровень

грамотности в корне меняли ценностные ориентации населения: более престижным становилось иметь не большое количество детей, а детей, преуспевших в жизни.

4) Мог ли этнос пойти по “европейскому пути”?

Однако в целом в начале XX в. русский этнос не был готов к тому, чтобы пойти по пути развития Западной Европы. Свойственные европейскому обществу система социальных отношений, этика, технология были результатом многовековой адаптации многочисленного активного населения к условиям значительного дефицита земель и природных ресурсов. Европейская модель — не единственная модель интенсивной культуры; но ее роднит с другими интенсивными культурами целый ряд признаков, которые отсутствовали или были слабее выражены у экстенсивных культур, к которым относилась русская культура. Система социальных отношений, названная “европейским капитализмом”, на протяжении столетий пронизывает буквально каждую клеточку европейского общества. Русский этнос по мере вызревания кризиса экстенсивной культуры также выработывал внутри себя предпосылки для восприятия европейской модели. Однако к концу второго десятилетия XX в. слой людей, готовых к восприятию западных ценностей, едва ли составлял 3—5% русского этноса. Подчеркнем, что речь не идет о том, что эти три — четыре млн. русских уже восприняли эту систему, а лишь о том, что они в принципе могли бы ее воспринять при соответствующем стечении обстоятельств. Остальная масса этноса либо была включена в процесс “модернизации” лишь частично, либо не была включена в него вовсе. Причиной этого был все тот же экстенсивный характер развития. Ядром “интенсификации” русской культуры должны были бы стать города, но они не формировались из-за постоянного оттока сельского населения во вновь осваиваемые регионы. Тем самым нарушались и социально-психологические механизмы формирования города. До сих пор дискутируется вопрос о психологических особенностях слоя людей, создавших первоначальное ядро, “костяк” европейского городского населения. Однако большинство исследователей согласны, что “средняк”, крестьянин, средний по экономическим, психологическим, интеллектуальным показателям, дольше задерживался в деревне. Наиболее активная часть оказывалась в городе. Психологический фактор, по общему мнению, был одним из центральных моментов формирования социальной функции городов в процессе превращения европейской культуры из экстенсивной в интенсивную. В России наиболее активные элементы шли не только и не столько в города, сколько “за Камень”, в южнорусские степи, в Среднюю Азию. Территориальная экспансия не только тормозила развитие городов в количественном и в качественном отношении, но и способствовала сохранению главного носителя “традиционного” менталитета — селской общины. Освоение отдаленных от метрополии и промышленных центров территорий требовало сохранения общинных механизмов — община и есть механизм групповой адаптации крестьян в условиях низкоурбанизированного общества. Кроме того, постоянная возможность оттока наиболее конфликтных элементов из общин Центральной России снимала внутреннее напряжение в последних, продлевая их исторический век.

Хотя русский этнос в целом не был готов к тому, чтобы воспринять систему ценностей европейской интенсивной культуры, однако он вынужден был перестраиваться, поскольку находился в кризисном состоянии. Этот кризис углублялся влиянием западной системы ценностей, технологии. Из сказанного не следует, что

влияние Европы было отрицательным. Оно стимулировало кризис русской культуры, но не создавало его. Более того, влияние западной культуры облегчало выход из кризиса, поскольку давало орудие для выхода из кризисной ситуации. Однако новая система социальных отношений и соответствующие им технологии, проникая вглубь русского общества, под тонкую прослойку относительно европеизированных горожан, не могла не вызвать активного противодействия со стороны абсолютного большинства этноса, своеобразной “реакции отторжения”. Эта реакция ускорила и усилила тот социальный взрыв, который привел к установлению политического режима, именованного советским социалистическим строем. Однако наивно думать, что она его породила: социальные катаклизмы, потрясшие русский этнос в первой трети XX в., были результатом его внутреннего, имманентного развития.

Под “социальным взрывом” мы имеем в виду не политический переворот 1917—1918 гг., а процесс необычайно быстрого, по историческим масштабам, изменения социального состава русского этноса, сопровождавшийся также исключительно высокими темпами демографического перехода.

Теоретически кризис экстенсивного развития русского этноса мог иметь самые различные последствия; все зависело от темпов и характера урбанизационных процессов. Для того чтобы “на равных” общаться с культурами, составляющими западноевропейскую цивилизацию, необходимо было в ограниченный период совершить колоссальный исторический скачок, освоив основы европейских технологий на массовом уровне. Но решать эту задачу можно было, только опираясь на ту систему межличностных отношений, на те социальные структуры, на те традиции, которые в России на тот момент были, ибо других просто не существовало. И довольно расхожее представление, что достаточно было в 1920-е гг. “ввести” в России демократические институты власти, сохранить ростки рыночных отношений, появившиеся на рубеже веков — и Россия пошла бы совсем иным путем, выглядит абсолютно наивно. Европа выстрадала свои демократические институты в ходе столетних кровавых разборок, когда конфликты решались отнюдь не демократическими методами. Века, в течение которых европейская цивилизация эволюционировала от экстенсивной культуры к интенсивной, были целиком заполнены войнами, восстаниями, жестокими репрессиями, по сравнению с которыми сталинские и ленинские лагеря, которые просуществовали 30—35 лет, при всем их ужасе теряют ореол исключительности. Мы далеки от оправдания подобных методов решения проблем экологии этноса. Мы просто подчеркиваем, что наряду с колоссальными потерями (которые на аналогичном этапе развития в европейской цивилизационной системе были ничуть не меньше) необходимо видеть колоссальный цивилизационный скачок, который русский этнос совершил в этот период. Критикуя политику и практику прожитых лет, мы сравниваем себя с Европой и Северной Америкой, признавая свою отсталость во многих отношениях, хотя в первые 20—25 лет XX в. у России были более чем реальные шансы оказаться в ряду таких государств, как Индия, Афганистан или Ирак, поскольку в целом русское население по своим социальным и демографическим характеристикам было ближе к странам, названным впоследствии “третьим миром”, а отнюдь не к европейской и североамериканской цивилизации.

Каковы причины и последствия столь быстрых процессов структурного изменения русского этноса, как они сказались на механизмах накопления и передачи

этнокультурной информации в нем, на особенностях его демографического, миграционного, социального поведения?

4. Этнос на переломе. Демографический переход и экстенсивная урбанизация 30—60-х гг. XX в.

а) Специфика демографического перехода среди русских.

Вступая во второе тридцатилетие XX в., русский этнос представлял из себя своеобразную этнодемографическую бомбу. Социальное напряжение, вызванное сочетанием низкой производительности труда и высокого естественного прироста в деревне, а также слабым развитием городов, делало неизбежным, раньше или позже, массовый “выброс” населения в города. Торможение “интенсивной” урбанизации, вызванное оттоком крупных капиталов, реализация популистской эсеровской программы уравнительного землепользования лишь задержали этот взрыв и одновременно увеличили его потенциальную мощность. Он мог реализоваться в самых разных социальных и политических формах, но не мог не произойти. Он мог, в частности, привести и к свержению самого большевистского правительства и не привел к таким последствиям только потому, что был “канализирован” на борьбу с “кулаком” и прочим непролетарским элементом.

Конец этого тридцатилетия, вместившего жизнь всего одного поколения по биологическим меркам и нескольких поколений — по историческим, застал уже совсем другой русский этнос. Он отличался по сочетанию основных социально-демографических характеристик не только от русского этноса начала XX в., но и от всех других этносов бывшей Российской Империи, а может быть, и всех этносов мира. Во-первых, из этноса почти исключительно аграрного он превратился в этнос аграрно-индустриальный; доля городского населения среди русских к 1959 г. превысила 50% по сравнению с 15—20% в 20-х гг. Во-вторых, из этноса с одним из самых высоких в мире уровней рождаемости он стал этносом с демографическими параметрами, приближающимися к среднеевропейским.

И в то же время он даже теперь не превратился в этнос в полной мере европейский. Его отличие от европейских этносов состояло не только в том, что процессы демографического перехода и количественного роста городского населения протекали в его среде невиданными для Европы темпами — как минимум в три — четыре раза быстрее. Различия более глубоки, они касаются глубинных структурных уровней этих процессов. Так, например, в процессе демографического перехода так и не сложился специфический европейский тип брачности, послуживший важнейшей предпосылкой становления современного европейского общества. Очень значительно отличались от западноевропейской структура и функции городских поселений. Все эти особенности в конечном итоге были следствием того факта, что трансформация русского этноса из системы экстенсивной в систему интенсивную не предшествовала процессам современной урбанизации, формирования индустриального общества, а совпала с ними по времени. Необычайная сложность протекания, “взрывной” характер этих процессов обусловили специфическую черту русского этноса, отличающую его как от этносов Запада, так и от этносов Востока и обусловившую, в конечном итоге, как его выдающиеся достижения последних десятилетий, так и кризис этнокультурных процессов этого же периода. Эта черта — слабость “мезоструктуры”, неустойчивость первичных коллективов, образующих

любой нормально функционирующий этнос: общины, городской или сельской “комьюнити”, профессиональных кругов общения и т. д. В результате он приобрел ряд социально-демографических особенностей, которые в течение следующего тридцатилетия воспринимались чуть ли не как неотъемлемые его черты. Назовем лишь некоторые из них: необычайно высокий уровень миграционной подвижности; крайняя нестабильность семьи и один из самых высоких в мире показателей разводимости; очень высокий процент лиц, вступающих в национально-смешанные браки среди тех, кто проживает в инациональной или просто в многонациональной среде; наконец, уникальная для крупных этносов бывшего Советского Союза особенность, когда в межнациональные браки вступали чаще женщины, а не мужчины. Рассмотрим демографические и социальные процессы в русском этносе XX в. более подробно.

Процесс демографического перехода, т. е. смены “традиционного” режима воспроизводства на “современный”, произошел среди русских очень быстро (см. табл.2). Так, уже за десятилетие 1959—1969 гг. число рождений на 1000 населения составило в среднем 19,0 в год, что соответствует современному типу естественного воспроизводства.

По мнению большинства исследователей, демографический переход у русского этноса произошел за период жизни менее чем трех поколений (около 70 лет) — с конца XIX в. до 60-х гг. XX в.

Таблица 2.

ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА (СРЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ И КОЭФФИЦИЕНТ ВАРИАЦИИ ПО ОБЛАСТЯМ) СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ОБЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ПРЕОБЛАДАНИЕМ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

Демографические показатели	Г о д ы:				
	1897	1926	1940	1959	1979
Коэф. младенческой смертности (умерло до 1 года на 1000 новорожденных):					
среднее значение	323	187	211	41	22
коэф. вариации	15	14	20	18	15
Коэф. суммарной рождаемости (среднее число рождений в течение жизни):					
среднее значение	7,4	6,1	3,8	2,7	1,9
коэф. вариации	13,0	12,3	16,5	21,1	9,9
Нетто-коэффициент воспроизводства:					
среднее значение	1,4	1,9	1,1	1,2	0,9
коэф. вариации	21,2	12,0	16,2	20,1	9,8

Источник: Захаров С.В. Демографический переход в России и эволюция региональных демографических различий // Семья и семейная политика / Ред. Вишневецкий А.Г. М., 1991. С.94

Из табл. 2 видно, что заключительная стадия демографического перехода среди русских протекала весьма неравномерно.

Показатель суммарной рождаемости, характеризующий число детей, которое в среднем рождает женщина в течение жизни, непрерывно уменьшался. Особенно заметным было падение между 1926 и 1940 гг. В то же время показатель младенческой смертности (число детей, умерших в течение года, на каждую 1000 рожден-

ных младенцев) вел себя неоднозначно — он резко упал с 1897 по 1926 г., уменьшившись почти вдвое, а затем не только стабилизировался, но даже увеличился. Соответственно изменился и нетто-коэффициент воспроизводства, говорящий о том, в какой степени происходит замещение женской части той или иной популяции от поколения к поколению. Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что если бы сохранялись демографические показатели 1897 г., тогда каждое последующее поколение русских людей увеличивалось бы приблизительно в полтора раза по сравнению с предыдущим; сохранение высокой рождаемости при значительном сокращении смертности, и, в первую очередь, детской смертности, привело к тому, что при неизменных показателях 1926 г. население должно было бы удваиваться от поколения к поколению. Однако этого не произошло, поскольку возрастание уровня детской смертности в сочетании с резким падением рождаемости привело к сокращению всего за 15 лет нетто-коэффициента практически до уровня простого воспроизводства.

Вместе с падением рождаемости и смертности происходила и окончательная “нуклеаризация” семьи, т. е. превращение семьи “родственной” в семью “супружескую”. Как мы помним, в деревне уже в 1920-е гг. среди беднейшего крестьянства преобладали семьи малого размера. Кроме того, во второй половине 1920-х гг. усилился процесс разделов больших единых крестьянских хозяйств. В начале 1930-х гг., в период коллективизации, наиболее сильно пострадали именно большие богатые семьи, включавшие по шесть — восемь членов. Другим фактором была окончательная ликвидация общины в процессе коллективизации.

По мнению специалистов-демографов, специфика демографического перехода среди русских состояла не только в том, что он наступил позже, чем в Западной Европе, и протекал значительно быстрее, но и в том, что ему не предшествовало формирование европейского типа брачности. Индустриальное общество в Европе не могло бы сформироваться на базе так называемого “традиционного” режима естественного воспроизводства и соответствующего ему типа семьи с очень высоким уровнем рождаемости и уравновешивающим его высоким уровнем детской смертности, со всеобщей брачностью и низким уровнем разводимости. Постиндустриальная цивилизация Европы и Северной Америки базируется на принципиально иной семейной структуре (так называемой “супружеской” семье), для которой характерны низкий уровень рождаемости и низкий уровень детской смертности, средний уровень безбрачия как мужчин, так и женщин, высокий уровень разводимости и повторных браков, очень большой разброс возрастов вступления в первый брак.

Работы Дж.Хаджнела, З.Павлика и других специалистов по исторической демографии показали, что предпосылкой демографического перехода было формирование специфического и уникального в своем роде европейского типа семьи, которому присущи следующие характерные черты: относительно низкий уровень брачности и позднее вступление в первый брак, сохранение высокой брачной рождаемости и постепенный переход к средне- и малодетности и к внутрисемейному регулированию рождаемости. Рост уровня жизни и медицинского обслуживания в Европе XVI—XVIII вв. сформировал со временем и новый тип естественного воспроизводства, характерной чертой которого стал низкий уровень смертности в целом, и детской смертности прежде всего (10).

Исследования показали, что европейский тип брачности, предшествовавший активной фазе демографического перехода в наиболее развитых странах Европы, связан с определенной системой хозяйствования и уровнем общественного разделе-

ния труда, которые стали предпосылкой формирования европейского капитализма. Так, например, “постарение” первых браков и снижение в результате этого уровня рождаемости объясняются возросшими требованиями к профессиональной подготовке рядового члена общества, а также “нуклеаризации” семьи, снижением роли родственных связей как социально страхующего фактора.

В традиционной сельскохозяйственной общине, где преобладают относительно простые и неспециализированные приемы труда, дети вовлекаются в трудовой процесс очень рано и большое количество детей является фактором экономического преуспеяния семей.

Наоборот, в обществе с высоким уровнем разделения труда и с господством частной собственности семье экономически более выгодно вырастить меньшее число детей, однако дать им более высокую профессиональную подготовку. Соответственно, и в брак лучше вступать в более позднем возрасте, достигнув в своем бизнесе определенного уровня и обеспечив своим детям достаточно высокие стартовые позиции.

Поскольку не все молодые люди могли достичь начальных позиций для заключения “пристойного” брака, часть женщин остается вне брака на всю жизнь. Их доля составляла в Европе в XVIII—XIX вв. 10—30% в отличие от традиционных обществ, где она не превышает 2—3%. В противоположность этому возможность ранних браков в традиционных обществах обеспечивается тем, что молодожены в течение длительного времени фактически сами за себя не отвечают и остаются под контролем и страховкой родственных кругов общения.

Позднее вступление в брак являлось в европейской семье способом регулирования уровня рождаемости; в современной “супружеской” семье происходит возврат на новом этапе к более раннему возрасту вступления в брак, поскольку снижение рождаемости достигается благодаря внутрисемейному регулированию, а не сокращению длительности брачного периода.

Важным элементом гипотезы “европейского типа брачности” является утверждение, что он был предпосылкой, а не следствием развития капитализма в Европе, т. е. что он сформировался в основных чертах в позднефеодальных городах Европы.

Авторы этой гипотезы проводили границу распространения европейского типа семьи по линии Триест—Петербург, относя всю территорию расселения русского этноса к традиционному либо к переходному типу.

Демографический переход среди русских протекал по другой траектории, нежели в Западной Европе: в частности, в России так и не сложился “европейский” тип семьи с его поздним вступлением женщин в брак, высоким уровнем безбрачия в сочетании с неконтролируемой брачной рождаемостью. Средний возраст вступления женщин в брак у русских никогда не превышал 22—24 года, уровень безбрачия оставался относительно низким, а регулирование рождаемости с самого начала, т. е. с 1930-х гг., достигалось не столько за счет сокращения суммарного интервала брачной жизни, сколько за счет внутрибрачного регулирования рождаемости. Как нам кажется, попытка объяснить специфику “русской траектории” демографического перехода может во многом стать одним из ключей к судьбам русского этноса в XX в.

Формирование “европейского” типа семьи, ее нуклеаризация, развитие идеалов личной свободы, профессионализация трудовой деятельности, формирование этики личной ответственности перед богом (т. е. протестантской этики) в противо-

положность ответственности, опосредованной социальным институтом — церковью, были не следствием промышленного переворота и перехода производительных сил на новую ступень развития, а их предпосылкой. Кризис экстенсивной системы ведения хозяйства, охвативший Европу в XV—XVIII вв., сначала заложил этические, социальные, демографические основы цивилизации нового типа и лишь затем, как следствие, произошла перестройка системы технологий, называемая промышленным переворотом.

Совсем иная последовательность событий имела место в среде русского этноса. Технологические нововведения как массовое явление проникли раньше, чем сложились социальные и социально-психологические предпосылки для их восприятия. Глубинной внутренней перестройки мезоструктуры русского этноса к этому моменту (конец XIX в.) не произошло — перемены назрели, но не завершились. Распад общины зашел далеко, но она не распалась окончательно. Альтернативные ей городские этнические субкультуры начали формироваться, но не сформировались в достаточной степени. Надвигавшийся кризис экстенсивного развития русского этноса был дополнен мощным технологическим и идейным воздействием европейского капитализма, к полному восприятию которого русское общество готово не было. Это противоречие и вызвало тот социальный взрыв, который на протяжении жизни нескольких поколений определял и во многом продолжает определять судьбы русского этноса.

Таким образом, по типу демографического перехода русский этнос отличался от этносов Западной Европы. В конечном итоге эти различия объяснялись принципиально иным протеканием процессов урбанизации.

б) Урбанизация. *“Не вполне европейская модель”.*

Кризис сельской общины, а также процессы коллективизации, окончательно разорившие значительную часть крестьянства и сделавшие этот процесс необратимым, привели к повальной миграции русского крестьянства из села в город. С нашей точки зрения, в той ситуации этот “взрывной” поток был неизбежен при любой политике. От политики зависели только формы и некоторые социальные последствия этого потока. Приостановить, растянуть его во времени могли или очень значительные капиталовложения в развитие городской промышленности, или высокая степень устойчивости сельской общины. Ни один из этих факторов не действовал в тогдашней России. Община, как было показано выше, распадалась; значительная часть капиталов была вывезена из России до революции; да и не было никогда в России достаточно мощного финансового капитала.

Исключительно высокие темпы миграции из села в город, т. е. экстенсивной урбанизации, были одним из главных, если не главным, фактором, влиявшим на особенности завершающей стадии демографического перехода среди русских.

Напомним, что мировая и гражданская войны уменьшили не только долю, но и абсолютную численность горожан среди русских. Однако уже в 1920-е гг. возродилось массовое отходничество. Оно так и не достигло довоенного уровня, причиной чего была безработица в самих городах.

Вместе с тем, с началом процесса урбанизации начинается обвальная миграция в города. За 13 лет — с 1926 по 1939 г. — численность русского городского населения увеличилась на 18 млн. человек, т. е. в два с лишним раза. За следующее двадцатилетие прирост численности русского городского населения составил более 21 млн. человек, а с 1939 по 1970 г. оно увеличилось в 2,2 раза, так же, как за пред-

ыдущие 13 лет; таким образом, за 44 года численность русских горожан выросла в 5 раз, в то время как численность русского этноса на современной территории РФ выросла приблизительно на треть. Уже по переписи 1959 г. численность горожан среди русских превысила численность сельских жителей, т. е. достигла примерно того же уровня, что в большинстве стран Европы в конце XIX — начале XX в.

По переписи 1989 г., доля горожан среди русских составляла уже более 80%. Таким образом, по формальным признакам русский этнос стал этносом высокоурбанизированным. Однако является ли он таковым на самом деле? Ведь с экономической, географической и этнокультурной точек зрения уровень урбанизации не сводится только к высокой доле городского населения. Города должны сформироваться как самостоятельные локальные субкультуры, они должны исполнять определенные функции в системе этноса. Однако именно по качественным и структурным факторам русские города коренным образом отличались и отличаются и от классических западных, и от классических восточных городов. Отметим лишь некоторые наиболее существенные отличия.

Во-первых, в первые десятилетия экстенсивной урбанизации (1930—1950-е гг.) была нарушена обычная для обществ с более медленными темпами протекания этого процесса нормальная “иерархическая” структура миграции, когда бывший сельский житель сначала перебирается в малый город, затем он или его потомки в средний и т. д., пока кто-нибудь не достигнет столицы или миграция не остановится на одном из промежуточных уровней. В противоположность этому в 1930—1960-е гг. не только средние, но и крупнейшие русские города пополнялись, а нередко и формировались непосредственно за счет выходцев из села. Таким образом, “ядро” новых, больших городов, а зачастую и старых, исторических русских городов составляли люди, абсолютно не адаптированные к условиям городской жизни. Старые городские локальные субкультуры стирались потоком бывших сельских жителей и приобретали за счет этого налет маргинальности. Тем самым нарушались функции крупного города как культурного центра накопления и воспроизводства этнической культуры.

Во-вторых, высокие темпы миграции не позволяли формироваться устойчивым локальным субкультурам малых и средних городов; это было дополнительным фактором, нарушавшим иерархическую структуру расселения. В Западной Европе именно малые и средние города на ранних этапах экстенсивной урбанизации составляли опорный каркас этносов, в которых формировались основы городских этнических субкультур. Это происходило потому, что в малых городах в отличие от больших преобладают непосредственные межличностные контакты; именно на уровне межличностного общения складывается и закрепляется соционормативная культура этноса. Обезличенность больших городов, куда попадают люди, не имеющие опыта жизни в малых и средних городах, значительно затрудняет процессы “качественной” урбанизации.

В Европе мелкие и средние города веками “впитывали” окружающее сельское население, формировали собственные локальные субкультуры, в которых вчерашний сельский житель проходил этап первичной адаптации к городской жизни и только затем его потомки перемещались в крупный город. Процесс шел постепенно, медленно; поэтому при любых социальных катаклизмах — войнах, революциях, эпидемиях — сохранялась устойчивая иерархическая структура этносов.

В России 1930—1950-х гг. “взрывной” социальный процесс бросал людей прямо из “идиотизма деревенской жизни”, из тесного и достаточно стабильного мира

на строительство огромных городов, которых не было на карте. Именно в этот момент возник тот феномен массовой маргинальности, который на десятилетия определил многие особенности демографического и социального поведения русских.

Третья особенность состоит в том, что процесс формирования конурбаций и мегаполисов шел в России, в основном, не через слияние исторически сложившихся городских локальностей со своей микросредой и локальной культурой, а фактически на пустом месте. Например, в состав Большой Москвы вошли не только деревни, но и целые города (Перово, часть Мытищ и т. д.). Однако культурное своеобразие этих локальностей было уничтожено практически одновременно с вхождением в Большую Москву за счет того, что население выросло в десятки раз, а коренные жители, как правило, разъехались по другим районам города. Расселение в крупных городах Европы и Северной Америки происходит по принципу “коммьюнити”, что позволяет многим локальным центрам, входящим в конурбацию, сохранять ядро населения и локальные особенности культуры, а тем самым и поддерживать функционирование локальности в качестве центра накопления и трансмиссии этнокультурной информации. Достаточно часто случается, что какая-либо локальность (“коммьюнити”) полностью меняет свой социальный и этнический состав. Однако в этом случае она образует новую локальную субкультуру, целостность в отличие от русских городов, где каждый район, микрорайон, квартал является просто местом совместного проживания некоторого числа лиц, никак не связанных друг с другом.

Четвертая особенность “русской модели” урбанизации также связана с экстенсивным характером русской культуры и наиболее рельефно отражает тенденцию к выходу из ситуации кризиса экстенсивной культуры за счет форсирования экстенсивных же методов освоения среды. Эта особенность — очень значительный вес дальних миграций по сравнению с ближними. В процессе урбанизации этносов Западной Европы и других интенсивны культур, особенно на ранних этапах, подавляющая часть наиболее активных мигрантов направлялась в города, расположенные в местах традиционного исторического расселения данного этноса. Именно эти “активисты” и формировали психологическую и культурную среду, необходимую для развития локальных рынков, для формирования устойчивых локальных субкультур, для складывания системы межличностных отношений, составивших основу развития европейского капитализма. В отличие от этого экстенсивный характер развития русского этноса не только допускал, но до известной степени и предполагал отток значительной части активных личностей за внешние границы основного ареала расселения. В прежние века это были казаки, старообрядцы, сектанты, просто активные переселенцы. В начальный период кризиса экстенсивной модели развития, когда эта модель доводится до крайних состояний, до предела, во всех союзных республиках бывшего СССР, на Крайнем Севере и в Сибири создавались новые города либо практически заново возникали русские локальные субкультуры в старых региональных центрах (Тбилиси, Кишинев, Самарканд и т. д.). Тем самым их жители выключались из процессов этнокультурного развития исторического центра русского этноса, а процессы качественной урбанизации замедлялись. Люди, которые по своим психологическим, интеллектуальным и профессиональным качествам могли бы становиться лидерами российской урбанизации, оказывались ходом истории выдвинутыми на периферию этого процесса, где они вынуждены были формировать свои субкультуры. Эти субкультуры оказались неустойчивыми, они быстро размывались под влиянием процессов корениза-

ции городов в республиках бывшего СССР. Это естественно, поскольку абсолютное большинство их жителей не имели в новом месте обитания глубоких исторических корней. В то же время их пребывание в большинстве этих регионов, особенно в Средней Азии, имело огромное положительное значение, прежде всего для развития городов этих регионов. Если бы эти люди участвовали в процессе урбанизации на своей исторической территории, этот процесс был бы изначально более конфликтным, но и эффективность его для населения России была бы выше.

Пятая важная черта урбанизационных процессов среди русского этноса — это их “делокализация”. В Европе город возникал прежде всего для обслуживания потребностей местного населения в орудиях труда и других городских товарах, в рынке и т. д. Даже если впоследствии он приобретал общенациональное или даже общемировое значение, он не прекращал выполнения своих локальных функций. Именно это дало возможность сформироваться европейскому и североамериканскому фермерству. Русские города до революции при всей их неразвитости также частично начинали выполнять эти функции. Абсолютное доминирование “вертикальных” социальных связей над “горизонтальными” в 1930—1980-е гг. привело к тому, что большинство городов, особенно крупных, потеряли или так и не приобрели ни экономических, ни культуртрегерских, ни технологических функций по отношению к своей локальной периферии. Город ориентировался преимущественно на интересы центра, и прежде всего военно-промышленного комплекса, никак не связанные напрямую с местными локальными интересами и проблемами.

Другими словами, количественный рост русских городов не сопровождался качественным преобразованием их функциональной нагрузки. Нормального эквивалентного обмена, который только и может быть гарантом относительной устойчивости иерархических систем расселения, не возникало. Город в одностороннем порядке выкачивал из села материальные и людские ресурсы.

5. Менталитет переходного периода.

Перечисленные особенности урбанизации и демографического перехода среди русских в конечном итоге были следствием чрезвычайно высоких темпов распада общины и миграции населения в города, в результате чего одновременно оказались “размытыми” и городские, и сельские локальные субкультуры русского этноса. По отношению к русским 30—60-х гг. XX в. уместно говорить не столько о формировании маргинальных слоев, сколько о всеобщей поэтапной маргинализации всего этноса, поскольку за 30—40 лет практически все население побывало в мигрантах, будучи оторванным от привычной социокультурной среды.

Можно без преувеличения сказать, что судьбы русского этноса в XX в. определялись менталитетом слоя “вертикально ориентированных” мигрантов — людей, один или несколько раз в течение жизни по своей воле сменивших место жительства в целях повышения своего социального статуса. Численность этого слоя составляла в эти годы не менее 30—40% всего этноса. Если прибавить к ним тех, кто сменил место жительства в результате репрессий или в процессе эвакуации, то окажется, что в каждый конкретный момент люди, порвавшие со своим привычным социальным окружением, составляли абсолютное большинство этноса. Поэтому вряд ли уместно встречающееся иногда в печати высокомерное отношение к русским маргиналам — все мы в той или иной степени шариковы. В предыдущих раз-

делах было показано, что эти процессы были вызваны не кознями каких-либо политических сил, а закономерностями развития самого этноса.

Слой мигрантов был не только очень многочисленным, но и наиболее социально активным — именно из его рядов выделялись люди, благодаря энергии которых русский этнос совершил колоссальный социальный скачок, потребовавший у других этносов значительно больше времени, сумел успешно решить многие проблемы экстенсивной урбанизации, избежать массовой безработицы, голода, бродяжничества, бывших бичом многих других этносов как на Западе, так и на Востоке на соответствующем этапе их развития. Конечно, такой колоссальный скачок в цивилизационном развитии не мог пройти безболезненно. Чтобы понять проблемы и противоречия периода экстенсивной урбанизации среди русского этноса, необходимо представить основные черты менталитета того слоя, который определял его лицо.

Этот менталитет был полон внутренних противоречий, как противоречива и сама историческая судьба маргинальных слоев, приобретающих особый вес в переходные периоды развития. С одной стороны, этот слой формировался из людей; хотя и живших в городе, но до мозга костей пропитанных идеологией сельской общины экстенсивного общества. “Отказаться” от этой идеологии, по-настоящему адаптироваться к городу эти люди не могли, потому что городских культур как таковых тоже не существовало. С другой стороны, принесенная ими система ценностей не соответствовала масштабам и структуре массового индустриального общества, складывавшегося на месте прежнего, традиционного. “Культуршок”, пережитый двумя — тремя поколениями русских мигрантов, качественно отличался от “культуршока”, переживавшегося в процессе экстенсивной урбанизации другими этносами: русские мигранты в русских городах оказались вне сетки не только привычных для них социальных связей, поскольку эти связи были уже разрушены, но и вне сетки “урбанистских” социальных отношений, поскольку эти отношения по-настоящему еще не сформировались. Если бы процесс урбанизации протекал в уже сложившихся, традиционных интенсивных культурах, как в Юго-Восточной Азии, тогда “род” или “община” обосновались бы в городе и создали там свои структуры. Если бы процессы экстенсивной урбанизации протекали медленнее, как это было на Западе, тогда успевали бы создаваться новые городские локальные субкультуры, которые могли бы противостоять потоку сельских мигрантов и постепенно ассимилировали бы их, вовлекая в свою соционормативную систему. Однако специфика развития русского этноса привела к тому, что масса людей оказалась в информационном вакууме, попав в неразбериху города, который сам еще находился в процессе становления. Было от чего испытать культуршок! В такой ситуации в общественном сознании начинает превалировать система ценностей, включающая обломки общинного менталитета. Ее изначальная внутренняя противоречивость обуславливалась прежде всего несоответствием ее “общинных” компонентов и тех задач, которые с ее помощью должны были решаться. Во-первых, она основывалась на опыте малочисленных сельских общин, где все вопросы решались в процессе непосредственного межличностного общения. Стомиллионный русский этнос с разрушенной мезоструктурой явно не соответствовал этой модели. Во-вторых, эта система ценностей и основанный на ней менталитет были рассчитаны на ситуацию стабильности, неизменности используемых технологий, в то время как переход к интенсивной культуре и внешняя необходимость самообороны вынуждали совершенствовать используемые технологии.

Экономические и этноэкологические условия в России в первые десятилетия XX в. складывались таким образом, что при любой политике, при любой организации власти массовый и невиданный по масштабам и темпам выброс бывших сельчан в слабые и неготовые к их приему города был неизбежен. Столь же неизбежно было и превалирование в обществе менталитета, опирающегося на систему ценностей маргинализированных слоев. Все политические и экономические решения, все мероприятия по развитию общества могли быть эффективны только в том случае, если они учитывали основные черты этого менталитета. В ином случае они были обречены на провал. Каковы же эти черты?

Ю.А.Морозов, автор одной из попыток фундаментального анализа особенностей менталитета русского этноса, совершенно справедливо, на наш взгляд, видит отличие русской культуры от западной в том, что последняя основана на системе “позиционных отношений”, которые в России в целом не сложились, а поэтому преобладали отношения “аффективные”. Суть позиционной системы по Ю.А.Морозову состоит в том, что каждая социально значимая позиция (президент, мусорщик, полицейский и т. д.) определяется достаточно жестким набором прав, обязанностей, правил поведения. Действия человека, занявшего ту или иную социальную позицию, определяется не столько его личными качествами и системой его межличностных связей, сколько требованиями, налагаемыми занятой им позицией. Наоборот, в России, как и вообще на Востоке, по мнению автора, первостепенное значение имеет не общественно значимая позиция, а система межличностных связей каждого человека. Как видим, Россия приравнивается к Востоку. Пытаясь объяснить это отличие России от Запада, Ю.А.Морозов ссылается на особенности православия по сравнению с протестантизмом (11), на то, что в России слишком малый отрезок времени правили европейцы. Конечно, все эти объяснения не выдерживают критики. Русское православие не было привнесено извне, а само во многом сформировалось под влиянием этнокультурных особенностей русского этноса. А насчет того, как долго европейцы и вообще иностранцы правили в России, можно прочесть в любом школьном учебнике истории. В любом случае аргументы Ю.А.Морозова не объясняют главного: где же источник “непозиционности” русской соционормативной культуры. Непонятен из объяснений Ю.А.Морозова и другой факт, занимающий очень много места в его же книге. Почему некоторые страны Юго-Восточной Азии, будучи, по мнению самого же автора, типологически едины в этнокультурном отношении с Россией, тем не менее очень эффективно освоили многие постиндустриальные, и в первую очередь информационные технологии, восприятие которых в русской цивилизации несколько задержалась? Одномерная схема типологии культур, предлагаемая Ю.А.Морозовым, тут явно недостаточна. Россию принято ставить между Западом как воплощением “закона” и Востоком как царством “обычая”, ближе к Востоку. Необходимо, на наш взгляд, при классификации соционормативных культур учитывать такое важное измерение как степень жесткости правил, регулирующих их поведение независимо от того, являются ли эти правила сводом законов или нормативов обычного права. Как общество “закона”, так и общество “обычая” может подчиняться формальным или неформальным предписаниям нормативных систем, рассчитанным прежде всего на стандартные ситуации. Это характерно, в первую очередь, для интенсивных культур. В экстенсивных культурах детализация нормативных требований значительно ниже, контроль за их исполнением — слабее, и поэтому гораздо большее значение имеют чисто личностные факторы.

Закон, как и обычай, — это результат адаптации людских сообществ к условиям, когда потенциальные конфликты внутри этих сообществ невозможно систематически разрешать ни за счет перемещения наиболее конфликтогенных индивидов на другие территории, ни за счет вовлечения в оборот значительных объемов жизненно важных ресурсов, в первую очередь новых земель, для уменьшения уровня внутригрупповой конкуренции. Для “снятия” конфликтных ситуаций в интенсивных культурах и формируется жесткий кодекс поведения, взаимодействия между индивидами и группами внутри социума, который позволяет уменьшать конкуренцию, предупреждать конфликты либо с наименьшими потерями для всего социума разрешать их. Совокупность таких правил и составляют закон или обычай. Разница между законом и обычаем состоит, помимо всего прочего, и в том, что обычай управляет взаимоотношением людей в относительно небольших и замкнутых обществах (сельская община, сословие, средневековая городская коммуна), где соблюдение предписываемых правил диктуется ограниченностью и устойчивостью круга межличностных связей. Закон необходим прежде всего в обществе, состоящем из множества таких групп, тесно взаимодействующих друг с другом. Соотношение закона и обычая в обществе (этнотипе) определяется структурой последнего: чем выше в этнотипе доля людей, живущих в условиях стабильных локальных общин (сельских общин или западноевропейских “коммьюнити”), тем выше вес ритуала в обществе по сравнению с писанным законом.

Преобладание аффективных межличностных отношений над ритуализованными в формах закона или обычая усилилось под влиянием лавинообразного процесса распада общины и смывания миграционными потоками деклассированного крестьянства слабых и неустойчивых зародышей русской городской культуры. В результате этих неизбежных процессов сложилась та аморфная структура этноса, которая на какое-то время закрепила идеологию общины на уровне государства и одновременно показала неадекватность этой идеологии в условиях формирующегося индустриального общества в рамках огромного государства для решения задач технологического совершенствования.

Сами по себе социальные нормы и принципы организации русской сельской общины были не хороши и не плохи. Они были идеальны в условиях, в которых они формировались, — иначе была бы невозможна сверхбыстрая колонизация русскими огромных пространств в исторически очень сжатые сроки. Но когда на базе возникшего при этой колонизации многоязычного конгломерата начали формироваться основы большого единого гражданского общества, когда экстенсивная модель развития стала уступать место интенсивной, понемногу стала очевидной несостоятельность этих принципов. Сама история потребовала коренного изменения системы соционормативной культуры русского этноса, организации его мезоструктуры, усиления роли законности и ритуала. В основе этого процесса — становление устойчивых городских локальных субкультур; он может занять период жизни нескольких поколений.

Кризис развития русского этноса в XX столетии определял собой особенности экономической и технологической культуры этого периода. С технологической точки зрения, различие между европейской и русской культурами — это различие между универсализмом и профессионализмом. Именно доведенная до предела профессионализация создала европейскую культуру со всеми присущими ей плюсами и минусами. Недаром именно процессам разделения труда, формированию “органического” единства общества как системы функционально-дифференцированных

субсистем, в отличие от механического единства однородных элементов (в основном крестьянских хозяйств), посвящена большая часть классических социологических трудов XIX — начала XX в. Профессионализация эта возникла из необходимости выживания европейской цивилизации в условиях вынужденного интенсивного развития, после прекращения крестовых походов, после отпора, данного Россией во время войн XVII—XIX вв. Профессионализация тесно связана с процессом урбанизации, который фактически начался в Европе с окончанием крестовых походов (XII—XIV вв.) и стал определяющим фактором развития в XVIII—XIX вв. При переходе от экстенсивной модели развития к интенсивной усиливается необходимость углубленной специализации населения для того, чтобы более эффективно использовать ограниченные естественные ресурсы. Процесс профессионализации приводит к формированию относительно замкнутых профессиональных кланов, которые вырабатывают свою профессиональную этику. Выработка внутри-профессиональных этических норм происходит именно благодаря устойчивости состава профессиональных кругов, относительной замкнутости их границ.

В российской цивилизации к концу XX в. ввиду отсутствия столь жесткой внутренней необходимости в урбанизации, как в Европе, профессионализация не достигла такой глубины, гораздо меньшее значение имели профессиональные кланы, профессиональная этика.

Повлиял экстенсивный характер русской цивилизации и на формирование отношений собственности, и в первую очередь частной собственности. Сам по себе экстенсивный или интенсивный характер культуры еще не определяет формы собственности, и прежде всего собственности на основной ресурс земледельческой культуры — на землю. Во многих интенсивных культурах условия производства объективно требуют коллективной (общинной) формы собственности на один из важнейших ресурсов (например, общинная собственность на пастбища, собственность на воду в условиях поливного земледелия и на заливные угодья при рисоводстве). Однако если рассмотреть только один культурно-хозяйственный тип — равнинных пашенных земледельцев, то здесь, безусловно, введение частной собственности на землю явилось следствием перехода от экстенсивных к интенсивным методам ведения хозяйства.

Общинная собственность на землю имеет принципиальное значение именно в передельной общине, где она реализуется в праве общины периодически уравнивать земельные наделы различных семей с тем, чтобы обеспечить относительно одинаковые условия всем семьям и тем самым сохранить ее как целое, избежав расслоения, ведущего к гибели общины. Уравнительный характер землепользования предполагает контроль со стороны общины не только за размером используемой земли, но и за применяемыми технологиями в отдельных хозяйствах, поскольку одним из основных принципов организации передельной общины является именно снятие конкуренции внутри нее. Применение отдельным хозяином продвинутых агротехнологий, связанных с улучшением качества почв не имеет смысла, поскольку данный участок все равно окажется в руках другого хозяина: кроме того, успехи на ниве земледелия неизбежно порождают зависть со стороны соседей, что нарушает стабильность общины. Поэтому в передельной общине всегда поддерживается относительно низкий уровень урожайности; сама по себе, даже в условиях рыночного хозяйства, она не способна стать основой высокотоварного хозяйства. При низком и главное — не поднимающемся уровне урожайности и положительном естественном приросте для того, чтобы сохраниться как целое, общи-

на вынуждена либо захватывать новые земли, либо “выталкивать” избыточное население на освоение новых земель. Именно так функционировала русская передельная община в течение всей своей истории. Другими словами, передельная земледельческая община может существовать только в условиях экстенсивной культуры. Сам механизм ее функционирования обуславливает вполне определенное отношение к собственности. В частной собственности крестьянского семейства находятся только скот, орудия труда и небольшой приусадебный участок. Эта собственность священна и неприкосновенна не только для членов данной семьи, но и для всех других семей данной общины. Это, так сказать, собственность первого уровня; именно к ней относятся представления о необычайной честности русского крестьянства. Собственность второго уровня — это собственность общины, в первую очередь пашня, выпасы, в ряде случаев — дорогостоящие орудия производства (мельницы). Контроль за сохранностью этой собственности также был достаточно жестким. Община строго карала того из членов, кто попадался на краже или порче общинной собственности, хотя такие нарушения были не столь редки.

Наконец, отношение к помещичьей и государственной собственности, к орудиям и угодьям, которые ее составляли, было такое, какое только и могло быть в условиях экстенсивной общины — как к элементам внешней среды, резервам потенциального расширения общинной собственности, в данный момент не входящим в сферу ее влияния, а следовательно, не находящимся под ее защитой. Поэтому существовала малопроедима пропасть между правосознанием помещиков и чиновников, которые, согласно правовым нормам, считали собственность государства и частную собственность других сословий неприкосновенной и основанном на обычном праве правосознании крестьян, которые эту собственность таковой не считали.

Среди исследователей нет единого мнения относительно того, во всех ли областях Западной Европы существовала передельная община. Несомненно, однако, что там, где она существовала, она оказывала точно такое же воздействие на сельскохозяйственное производство и уклад сельской жизни, как и в России. Так, известный английский экономист Арн. Тойнби, родственник выдающегося историка, анализируя историю развития сельской общины в Англии, показывает, что и в этой стране вплоть до XVII в. сельская община тормозила развитие сельскохозяйственного производства, заставляя общинников поддерживать низкую производительность труда и тем самым сохранять стабильность самой общины. Потеряв возможность экстенсивного развития, община вынуждена изменять основные правила своей организации (12). Кризис выражается в том, что не увеличивающиеся больше общинные земельные угодья в сочетании с ростом числа домохозяев и стабильной (а иногда и уменьшающейся) урожайностью неизбежно приводят к такой ситуации, когда каждая отдельная семья оказывается в результате бесконечных переделов обладателем слишком малого надела, неспособного прокормить эту семью. Ситуация осложняется тем, что стремление к “справедливости” — основа общинной психологии — приводит к чересполосице, являвшейся бичом российской деревни в неменьшей степени, чем малоземелье. Поскольку земля очень различалась по своему качеству в пределах каждого общинного севооборота, а крестьяне — временные пользователи отдельных участков, в каждый конкретный период не были заинтересованы в мелиорации, “равенство” достигалось с помощью максимально дробного распределения участков разного качества между крестьянскими хозяйствами: каждому доставалась полоска плохой, полоска хорошей и полоска

средней по плодородию земли. Такие правила, пригодные и неизбежные при потенциально неограниченном объеме привлекаемых земель, в случае возникновения острейшего земельного дефицита, который окончательно сложился в России в первые десятилетия XX в., служат фактором усиления кризиса, так как сдерживают рост эффективности сельскохозяйственного труда.

Взрыв русской сельской общины не мог в одночасье изменить отношения бывших сельских жителей, вдруг оказавшихся горожанами, к собственности, тем более что альтернативного подхода, который в Европе веками формировался в недрах города, здесь не сложилось ввиду слабости или полного отсутствия городов как таковых. Поэтому и в городах в 1930-е гг. необычайно вырос социальный слой, который не имел других представлений о собственности, кроме тех, которые достались ему в наследство от “исторических предков” — сельских общинников. Однако эта идеология не могла полностью копировать общинную хотя бы потому, что условия обитания изменились в корне. Прежде всего, была ликвидирована мелкая индивидуальная собственность на орудия производства, что естественно в условиях индустриального развития. Кроме того, бесследно исчезла общинная собственность, не получив своего суррогата-паллиатива в новой системе ценностей. И наконец, прежняя помещичья и государева собственность воплотилась в “единой общенародной социалистической собственности”. В этом, на наш взгляд, состояла одна из главных причин краха идеи российского социализма. Может быть, выдвигая идею “общенародной собственности”, ее авторы до какой-то степени надеялись, что она займет в повседневном сознании членов общества — бывших общинников — место общинной собственности, т. е. того, что лично тебе не принадлежит, но в сохранении и развитии чего ты всемерно заинтересован. В реальности же социалистическая собственность в сознании заняла место не общинной, а помещичьей и государственной, а поэтому абсолютно была лишена в глазах большинства “новых горожан” какого-либо ореола сакральности. Вчерашнему общиннику сама идея о том, что украсть у “хозяина” или у “казны” нехорошо, греховно, казалась абсурдом. Опасно — да, но не нехорошо... Это же не у соседа и не у общины.

Эти реминисценции подкреплялись двумя обстоятельствами. Во-первых, как уже отмечалось, массовая миграция в города после начала индустриализации практически смыла старые городские локальные субкультуры, в значительной степени подорвав зарождавшиеся там новые представления о неприкосновенности любой собственности. Уничтоженным оказался не только класс городских собственников, но и начавшие формироваться слои кадрового пролетариата. Во-вторых, мигранты оказались вне привычной для себя обстановки достаточно жесткого неформального контроля со стороны общины. Конечно, и в коммунальных квартирах, и в рабочих поселках какие-то элементы общинности неизбежно сохранялись; об утрате этих элементов в настоящее время с тоской вспоминают их обитатели. Однако все это касалось скорее чисто бытовой сферы, а не отношений собственности. Невозможность переноса “общинного” на “общенародное” коренилась прежде всего в несоотнесимости масштабов — вся суть общинной собственности в возможности опирающегося на обычное право непосредственного контроля за ее использованием и неприкосновенностью на личностном уровне.

Со стороны государственных и партийных органов предпринималась попытка добиться отношения к социалистической собственности как к общинной у первого послереволюционного поколения, тех, кто воспитывался в конце 1920-х — начале

1930-х гг. И по отношению к части молодежи это действительно удалось, что в конечном итоге и привело к трагическому конфликту ценностных нормативов поколений. Достаточно вспомнить трагедию Павлика Морозова.

В интенсивных культурах независимо от того, на Западе они расположены или на Востоке, отношение к чужой (вернее, к несвоей) собственности неизбежно носит более строгий и определенный характер. И вырабатывалось это отношение далеко не гуманными методами. Так, в Англии посягательство на чужую частную собственность наказывалось весьма сурово, вплоть до публичной смертной казни, причем подвергались столь суровому наказанию не только взрослые, но и дети. В отношении общинных норм межличностного общения Россия первой половины XX в. переживала примерно тот же период, что и Англия конца XVII—XVIII вв.

Отсутствие развитого разделения труда, устоявшихся институтов частной собственности, наличие практически неограниченных природных, территориальных и людских ресурсов порождали и еще одну особенность русского менталитета, делавшую невозможным “введение” товарно-денежных отношений в России и СССР в целом в 20—30-х гг. XX в. Эта черта — слабость принципа эквивалентности обмена в системе ценностей русского этноса того периода. Она делала невозможным развитие экономики в западноевропейском смысле. Не зря писали авторы одного из лучших учебников по прикладной экономике: “Экономика — это исследование поведения людей в процессе производства, распределения и потребления материальных благ и услуг в мире ограниченных ресурсов” (13). Представление о том, что “все имеет свою цену”, может родиться только в рамках интенсивной культуры, в той или иной степени ограниченной во всех основных ресурсах: и природных, и людских. Функционирование интенсивной культуры неизбежно основано на профессионализме. Это, в свою очередь, требует выработки адекватных механизмов, регулирующих отношения между профессиональными группами. Главным принципом такой регуляции является эквивалентность обмена продуктов труда, то есть рынка, охватывающего все основные виды ресурсов и изделий. Именно стремление к реализации принципа эквивалентного обмена как идеала интенсивных культур позволяет регулировать потребление естественных и демографических ресурсов и тем самым способствует выживанию всего социума.

Первый этап кризиса экстенсивного развития русского этноса пришелся на начало XX в., но он нашел свое разрешение в форсировании механизмов экстенсивного развития — социалистической революции. Ни о какой эквивалентности обмена в этой модели не могло быть и речи. Однако эта модель неизбежно должна была показать свою несостоятельность, которая стала очевидной по мере нарастания “мышечной массы” отечественной промышленности. Очередной этап кризиса наступил сразу после окончания восстановительного периода после второй мировой войны — в конце 1950-х гг.

Именно в этот период стали ощущаться первые признаки дефицита различных ресурсов: и людских (завершение демографического перехода), и природных (ограниченность старых месторождений, очевидная неэффективность целинной эпопеи и отсутствие резервов для последующих эпопей такого рода). Кроме того, индустриализация и колоссальные усилия, предпринятые во время войны и послевоенного восстановления хозяйства, создали высокоспециализированное хозяйство индустриального уровня. Эти обстоятельства создавали необходимые, но недостаточные условия для перехода к рыночной экономике. Самое главное — это отсутствие парадигмы всеобщности товарно-денежных отношений на уровне обыденного созна-

ния большинства представителей русского этноса. Не случайно столь заметную роль в структурах теневой экономики в “застойный период”, так же как во многих коммерческих структурах постперестроечного времени, играли и играют представители интенсивных культур — народы Кавказа, Средней Азии, корейцы и т. д. Сказывалось и то, что к 1960-м гг. еще не были исчерпаны окончательно резервы экстенсивного развития. Хотя был завершен в целом демографический переход, однако сохранялась еще инерция высокого естественного прироста за счет относительно молодой возрастной структуры русского населения. Были открыты и начали разрабатываться новые нефтяные и газовые месторождения, началось строительство БАМа и т. д. Это были последние резервы, позволяющие сохранять инерцию экстенсивного развития. Переход к иным принципам на уровне руководства хозяйства начался только к 1990-м гг., ознаменовав собой совершенно новый этап в развитии русского этноса.

Отсутствие принципа эквивалентного обмена в менталитете как простых тружеников, так и хозяйственных руководителей базировалось на кажущейся неисчерпаемости ресурсов различного рода. Так, например, не было, с точки зрения советского хозяйственника, никакой необходимости совершенствовать производство, разрабатывать и вводить новые технологии, высоко оплачивать квалифицированный труд до тех пор, пока была практически неограниченная возможность нанимать достаточное количество неквалифицированной и малоквалифицированной рабочей силы для производства пусть устаревшей, но соответствовавшей плановым заданиям продукции. Такой приток сохранялся и после окончательного завершения демографического перехода, так как промышленные предприятия располагались в основном в средних и крупных городах; приток лимитчиков обеспечивался за счет деревни и малых городов. Начавшиеся было в конце 1950-х — начале 1960-х гг. процессы “интенсификации” производства были прерваны, помимо новой “сырьевой интервенции”, сломом начавшего было возрождаться крестьянского хозяйства и искусственной “перекачкой” в промышленность массы неквалифицированной рабочей силы из села и малых городов. Предсмертным вздохом экстенсивной системы хозяйствования была полностью маразматическая попытка заселения опустевшей российской деревни “трудоизбыточным” населением Средней Азии. Основная масса организаторов всех уровней этого сюрреалистического фарса прекрасно понимала, что главной целью является отнюдь не переселение туркмен в Приморье, а узбеков — на Владимирщину, а организация потоков материальных ценностей, от которых всегда можно отвести небольшой арык...

Таким образом, хотя формально существовал государственный рынок и взаимоотношения между государством и предприятиями строились на основе стоимостных отношений, однако эти отношения были безусловной фикцией, поскольку цены устанавливались нерыночным путем. Если рынок и складывался, то как теневой. И даже на нем реальной оценки не получали два важнейших вида ресурсов: квалифицированная рабочая сила и сырье. Эта оценка отсутствовала на уровне реальных отношений и на уровне общественного сознания; ее отсутствие подкреплялось идеологической догмой — рабочий класс является творцом всех ценностей (в первую очередь, материальных) на земле.

Менталитет экстенсивного развития влиял не только на руководителей, но — что немаловажно — на рядовых исполнителей (рабочих, служащих). Обычно обращают внимание на один канал этого влияния — на несоответствие количества и качества труда получаемому вознаграждению, что должно тормозить развитие

производства. Однако главный из них — отсутствие развитой профессиональной этики среди основной массы производителей, не позволяющей производить товары ниже определенного уровня качества, даже если за это не предусмотрены непосредственные экономические санкции. Причина кроется в том, что в России не успела сформироваться система ремесленных цехов, которая заложила основы европейской профессиональной этики. И хотя сама цеховая система изменилась, однако принцип ответственности за качество своей продукции не только перед потребителем и богом, но и перед своими коллегами, принципиальная невозможность уронить честь профессии глубоко впитались в ткань европейской культуры. Массовая миграция русских из села в город совпала по времени с периодом индустриального развития, когда межличностные отношения не играли столь существенной роли в становлении профессиональных слоев. Поэтому зачатки профессиональной этики возникали только в относительно узких элитарных профессиональных группах, прежде всего среди инженеров и рабочих в некоторых отраслях ВПК, в науке. Но как массовое явление она фактически не сложилась.

Одной из предпосылок российского социализма был характерный для общины низкий уровень потребительских стандартов. Неформальный контроль за мерой труда и потребления тормозил возникновение и закрепление существенных имущественных различий, страхуя тем самым от возникновения острых внутриобщинных конфликтов на почве имущественного неравенства. Исследователи общины неоднократно отмечали, что одна и та же семья в течение жизни одного—двух поколений, как правило, успевала побывать и среди бедняков и в группе середняков, а порой подняться и до уровня зажиточных хозяйств. Такая ротация базировалась не только на общинных порядках с постоянным перераспределением земельных угодий, но и на обусловленной теми же общинными порядками низкой урожайности и, как следствие, низкой товарности сельского хозяйства, не позволявшей накапливать богатства. Ротация также поддерживала устойчивость общины как основной ячейки общества, обеспечивающей функционирование крестьянского хозяйства в условиях низкого уровня урбанизации, неразвитой инфраструктуры, всевластия и бесконтрольности помещика или наместника. Эта привычка подравнивать свой уровень потребления под общий низкий стандарт также послужила одной из важных предпосылок идеологии 1930—1980-х гг.

Неразвитость “позиционной системы” в культуре русского этноса, которая являлась прямым следствием экстенсивного характера его развития, определила основные черты его политической культуры. Особенность Советов народных депутатов в период их возникновения в начале XX в., отличавшая эту форму управления от органов западной демократии, состоит в совмещении функций законодательной и исполнительной власти. Именно эту черту Советов подчеркивал В.И. Ленин, прекрасно понимавший, что она опирается на реалии общинного самоуправления, наиболее привычного и понятного для слоя вчерашних общинников, составлявших во втором — третьем десятилетиях XX в. основную часть городского населения.

Представительные и властные структуры, аналогичные западноевропейским, не могли самостоятельно сформироваться на русской почве в тот период, потому что экстенсивное развитие этноса не успело породить необходимости их возникновения. Некоторое подобие таких институтов (земства) лишь поверхностно, по форме напоминали соответствующие институты Западной Европы. Но и они в конечном итоге охватывали относительно узкий круг русского населения, в основ-

ном горожан, и возникли не в результате развития самоуправления на местах, а в результате царских указов — повеления сверху. Подавляющее большинство русского населения — почти все крестьянство — оставалось фактически вне влияния этих институтов, и основной формой организации самоуправления для них оставалась сельская община. Поэтому когда кризис общины сделал неизбежным массовый отток крестьян в города, политическая культура мигрантов в принципе не допускала развития демократических институтов западноевропейского типа.

Партия большевиков, называвшая себя партией рабочего класса, на самом деле с первых своих шагов была партией маргинальных слоев. Ее появление и триумф, так же как и закат тесно переплелись с судьбой этих слоев русского населения.

Историки Советской России неоднократно подчеркивали, что социальной опорой большевизма был не “кадровый” промышленный рабочий класс, как о том постоянно заявлялось в политических декларациях, а именно люмпенизированные его слои, среди которых преобладали вчерашние мигранты из села. Партия предпочла использовать лозунги и методы управления, соответствующие менталитету наиболее многочисленной и наиболее активной в течение жизни трех — четырех поколений части русского этноса. Не случайно крах “русского социализма” в России совпал по времени с миграционной стабилизацией русского населения (конец 1980-х гг.): сама логика демографического развития привела к тому, что миграционные потоки стали спадать и русский этнос перестал быть самым мигрирующим на территории бывшего СССР и одним из самых подвижных в мире. Стабилизация миграционной подвижности, появление, пока только в зачаточном состоянии, новых стабильных локальностей создали возможность для реального развития местных самоуправлений, а вместе с ними действительной, а не заданной сверху демократии.

34

Одной из главных особенностей российской традиции управления в экономике и политике является приоритет указа, личной инициативы лидера над законом и даже обычаем. Главенство закона и/или обычая над мнением любого, даже самого высокопоставленного, чиновника является чертой интенсивных культур. В таких культурах невозможен выход за пределы конфликтной ситуации, что обуславливает жизненную необходимость соблюдения правил, поддерживающих внутренний баланс сил. Наоборот, в экстенсивных культурах нарушение правил не столь дорого обходится всей системе, поскольку неожиданный эффект даже самого нелепого указа погашается за счет дополнительного привлечения целевых ресурсов. Именно переход от экстенсивной культуры к интенсивной предполагает замену указа в качестве основного инструмента управления на закон и обычай.

Даже “воля народа” в традициях русского этноса трактуется иначе, чем в интенсивных культурах Запада, где решение, принятое абсолютным большинством, должно либо находиться в рамках закона, либо изменять сам закон. В новой российской демократии преобладает старый принцип экстенсивных империй — “глас народа — глас божий”, согласно которому мнение большинства (или имитация этого мнения) может использоваться для оправдания любых действий, независимо от того, как они соотносятся с законом.

Характерной чертой интенсивных культур по сравнению с экстенсивными, обеспечивающей им в конечном итоге технологическое преимущество над последними, является не соблюдение “хороших” законов и несоблюдение “плохих”, а соблюдение любых законов, пока они остаются таковыми и не утратили силу.

Однако, как показывают события последних лет, менталитет русского этноса даже в лице его лидеров, не выработал пока в себе основ этого принципа, примером чему — отношение большинства населения к политическим событиям 1991—1993-х гг.

Наконец, характерной чертой традиционной для России системы управления, нашедшей наиболее полное воплощение в административно-командной системе в 30—70-е гг. XX в. был приоритет вертикальных связей и отношений (субординации) над горизонтальными (координацией). В принципе, выдвижение на макроуровне этой гипотезы требует подробного предварительного исследования. Однако на примере развития советской экономики видно, что непрерывная экспансия системы вовне, как правило, предполагает использование преимущественно одного из ресурсов осваиваемого региона (например, леса или одной из разновидностей минеральных ресурсов). Это тормозит развитие комплексного хозяйства в регионе и развитие внутрирегионального обмена, а следовательно, и отношений координации. Только исчерпание возможностей выживания за счет моноресурса, т. е. переход к интенсивной системе, делает необходимым комплексное освоение территорий, развитие многоотраслевого хозяйства на местах, формирование локальных рынков.

Система отраслевых министерств, составлявшая основу управления советским хозяйством, была необходимым структурным элементом квазиэкономики, основанной на форсировании методов экстенсивного освоения среды. Не случайно первые попытки изменения этой системы по времени совпали с реформами конца 1950-х — начала 1960-х гг., связанных с именами А.Н.Косыгина и Н.С.Хрущева (организация совнархозов). Как известно, тогда система в очередной раз нашла в себе резервы экстенсивного развития. “Вертикальная” схема управления базируется на перечисленных выше особенностях менталитета русского этноса, в частности на приоритете указа над законом и обычаем, ибо вся деятельность вертикальных управляющих структур носила именно указной характер, хотя всегда, и особенно в 1980-е гг., им стремились придать видимость легитимности. “Вертикальная” система управления не может быть “отменена” до тех пор, пока для того не сложатся объективные и субъективные предпосылки, то есть пока под влиянием острого дефицита самых разнообразных товаров во всех регионах не сформируется многоотраслевое хозяйство и местный рынок и пока под влиянием этих факторов не возникнет менталитет, без которого невозможен переход к интенсивной культуре: парадигмы всеобщей обязательности закона (легитимности), всеобщности денег как эквивалента (товарности) и т. д.

Не только особенности экономического и политического развития, но и специфика этнокультурных процессов, этнического самосознания, наконец, особенности эстетического восприятия также, на наш взгляд, в значительной степени были обусловлены экстенсивными факторами развития русской цивилизации. Так, существует мнение о различиях между российской и западноевропейской актерскими школами. Главное отличие видится в соотношении игры и самовыражения в раскрытии роли. Пользуясь терминологией Ю.А.Морозова, западноевропейский и североамериканский актер живет и играет в обществе с развитой позиционной системой. Это переносится и на сцену. Для западного актера главное не самовыражение, а игра в определенной роли. Оценка работы актера не зависит от того, насколько созданный им образ выражает его внутренний мир. Иногда можно услышать утверждение, что, чем дальше собственный мир актера от того, что он

представляет на сцене, тем выше, при прочих равных условиях, оценивает и он сам, и зритель его актерскую работу. Наоборот, для российского, и прежде всего русского, актера внешняя профессиональная оболочка роли в идеале является лишь формой, средством для выражения собственного опыта, собственных мыслей и эмоций. Подобную точку зрения высказала в одном из телеинтервью М.Терехова. Из сказанного, конечно, не следует, что все актеры российской актерской школы являются “самовыраженцами”, а все последователи европейско-североамериканской традиции — холодными профессионалами. Безусловно, речь идет лишь об определенной тенденции, приоритетном принципе. В целом, не только в искусстве, но и в науке, в производстве в интенсивных культурах гораздо большее значение, чем в экстенсивных, имеет форма, ее проработанность, тщательность исполнения. Эта черта интенсивных культур является оборотной стороной большей устойчивости и определенности соционормативной культуры в их жизни по сравнению с культурами экстенсивными. Эта черта объединяет культуры Западной Европы и Юго-Восточной Азии и отличает их от русской культуры. “Формализация” культуры, стремление найти новое именно в профессиональном манипулировании формами при повторяющихся содержательных сюжетах является верным признаком интенсивной культуры. Поэтому самые выдающиеся художественные произведения появляются на стыке, на пограничье интенсивной и экстенсивной культур (русская музыка и живопись XIX—XX вв.), когда еще живо содержание, но уже отшлифована форма.

Именно с экстенсивным характером развития культуры связана, на наш взгляд, и неоднократно отмечавшаяся В.О.Ключевским и другими исследователями русской цивилизации периодически возникающая “культурная амнезия”, стремление значительной части этноса отбросить накопленный ранее опыт, сконцентрированный в форме традиций, и “начать все сначала”, не учитывая то положительное, что было накоплено в своей собственной культуре. Такое явление характерно именно для экстенсивных культур. Весь социальный опыт, накапливаемый в интенсивной культуре, перерабатывается и осмысливается в рамках достаточно узкой популяции, проживающей на ограниченном пространстве. Этот опыт связан в основном с предотвращением или разрешением конфликтов в рамках самой культуры, и поэтому он интересен для всех ее членов. Наоборот, экстенсивная культура практически не накапливает опыта разрешения внутренних конфликтов посредством согласования интересов сторон. Она ликвидирует возникающие в ней конфликты либо через подавление одной из сторон, либо через внешнюю экспансию; в любом случае не возникает необходимости выработки новых социальных институтов и технологий, то есть совершенствования самого общества, а в конечном итоге — накопления соционормативной информации. Конечно, и экстенсивная культура приобретает новый опыт. Однако этот опыт накапливается прежде всего в периферийных локальностях. Значительная часть этого опыта, и прежде всего все, что связано с межличностным общением в местных средах, практически бесполезна для “центра” ввиду специфичности условий обитания жителей периферии. Этот опыт начинает актуализироваться для проживающих в центральных районах только в том случае, если происходит отток мигрантов с периферии либо если в центр перемещаются представители коренных этносов колонизируемых территорий, что происходит в основном в условиях кризиса экстенсивных культур.

Таким образом, кризис экстенсивной русской культуры и процесс перехода к культуре интенсивной занимают достаточно длительный исторический период, ми-

новать который нельзя. В течение этого периода в рамках этноса преобладает менталитет, основные характеристики которого жестко заданы историческими условиями развития этноса. Все экономические и политические институты этого периода в значительной степени детерминированы этим менталитетом; они не могут быть изменены на “более прогрессивные” до тех пор, пока этнос не вступит в новый этап своего развития и не произойдет качественного перехода в развитии его менталитета.

6. Вторая половина XX века — неизбежность интенсивной модели.

а) Структурные изменения.

В начале 1960-х гг. русский этнос вступил в третий этап кризиса экстенсивной системы развития. Первый этап, охвативший интервал с конца XIX в. до начала 1930-х гг. XX в., был вызван дефицитом традиционных для экстенсивной аграрной экономики ресурсов, в первую очередь — земли.

Второй этап — 1930—1960-е гг. — был периодом, когда попытка преодолеть этот кризис и выйти на качественно иной технологический уровень основывалась на форсировании некоторых экстенсивных социальных механизмов, наиболее соответствующих менталитету основной части населения, и в то же время на углублении социального разделения труда и переключении на широкое использование ресурсов и технологий, характерных для индустриального общества. Однако потенциальные возможности привлечения сырьевых и демографических ресурсов на данном этапе представляются практически неограниченными, и культура сохраняет многие черты экстенсивности.

Третий этап кризиса экстенсивного развития характеризуется тем, что впервые за всю историю российской цивилизации в дефиците оказываются и людские, и минеральные ресурсы. Таким образом, если первый этап кризиса был преодолен за счет абсолютизации элементов соционормативной и политической культуры, обусловленных экстенсивным характером развития социума, то на нынешнем этапе должна сформироваться принципиально новая система отношений, соответствующая условиям интенсивной культуры. Именно сейчас происходит кардинальная перестройка мезоструктуры русского этноса, связанная с формированием устойчивых городских субкультур. Эти изменения ведут к коренному изменению обыденного сознания, соционормативной культуры, идеологии русского этноса. Переход этот очень длителен; инерция экстенсивной культуры еще далеко не исчерпана. Однако все это не отменяет основной тенденции коренной трансформации основ русской культуры, усиления в ней элементов, свойственных культурам интенсивным. Определяющим в этих процессах является переход на новую стадию процессов урбанизации. Основной чертой этого этапа является переход от экстенсивного этапа урбанизации, связанного с количественным накоплением “массы” городского населения за счет быстрой миграции из села в город, к этапу интенсивной урбанизации, суть которого — формирование устойчивых городских локальных субкультур русского этноса, которое создает условия для возобновления процессов накопления и межпоколенной трансмиссии этнокультурной информации и тем самым обуславливает возрождение русского этноса.

В чем же конкретно это проявляется? “Взрывные” демографические и социальные процессы 1930—1980-х гг. обусловили собой весьма аморфную его структу-

ру с размытыми “вертикальными” и “горизонтальными” социальными границами. В этот период он состоял из очень многочисленных и неопределенных по составу региональных слоев. Конечно, в нем всегда были и есть достаточно сплоченные, четко структурированные слои и группы (например, номенклатура, теневая экономика и т. д.). Однако они составляли относительно небольшую часть общества, хотя и играли в нем заметную роль. “Интенсификация” культуры связана с консолидацией самых различных групп внутри этноса. Наиболее очевидные процессы — это консолидация групп по уровню дохода и роду занятий. Естественно, что раньше всего консолидируются “полярные” группы — наиболее и наименее продвинутые в социальном и материальном отношении слои населения.

Другим “стержнем консолидации” мезоструктуры русского этноса служат территориальные, локальные группы. Русский этнос никогда не был гомогенным в территориальном отношении. В числе прочих обстоятельств этому способствовали огромные пространства его расселения и многообразие этнических групп, во взаимодействии с которыми формировались локальные группы русских. Однако в период обвалов миграций, когда распадались старые локальные субкультуры, в отдельных областях и регионах фактически заново формировалось население, по численности превосходящее иные государства, культурная специфика локальных групп русского населения, естественно, исчезала вместе с распадом региональных поселенческих групп. Однако в настоящее время происходит новая кристаллизация локальных субкультур российского этноса.

38

Важной предпосылкой этого процесса является возрождение и развитие местных рынков, практически исчезнувших на заключительных этапах экстенсивного периода урбанизации. В условиях всеобщего дефицита и резкого вздорожания транспорта все большее число товаров и услуг должно производиться в рамках каждой локальной субкультуры. Это, с одной стороны, будет усиливать социальную дифференциацию в рамках каждой локальности, а с другой стороны — повышать взаимозависимость и взаимозаинтересованность жителей каждой локальной субкультуры друг в друге и тем самым усиливать культурную гомогенность населения внутри каждой локальной субкультуры. Конечно, этот процесс, как и любой процесс в рамках русского этноса, неоднозначен. В тех регионах России, где русские контактируют с большими массивами населения других этносов, и особенно титульных этносов национальных республик, стабилизация русских локальных субкультур неизбежно сопровождается формированием рядом с ними, в тех же городах, городских субкультур этих этносов.

Русский этнос, в отличие от практически всех нынешних “титульных” этносов России, самостоятельно прошел начальные этапы урбанизации. Первую волну “новых горожан” на территории обитания “титульных” этносов составили в основном русские. Представители самих “титульных” этносов этих территорий участвовали в урбанизации относительно слабо. Однако новый этап перехода от экстенсивного к интенсивному развитию в 70—80-х гг. XX в. вызвал бурные миграции в города и среди “титульных” этносов национальных автономий России. Это стало возможным потому, что в ходе первого, так сказать “русского”, этапа экстенсивной урбанизации российского общества малые и средние этносы России прошли первичную адаптацию к городскому образу жизни.

В процессе необычайно быстрых социальных изменений 1920—1960-х гг. российская цивилизация как бы “проскочила” процесс становления городов как центров локальных субкультур. Это относится не только к “национальным” регионам

РФ, но и к чисто русским. Наблюдающийся сейчас процесс “локализации” всех (социальных, демографических, экономических, культурных) процессов — это своеобразный “откат”, возвращение к стадии развития, которую российское общество перешагнуло в 1930—1980-е гг. в силу ряда исторических обстоятельств. В однопациональных русских регионах этот новый этап урбанизации проявился в увеличении доли местных уроженцев в составе горожан, в постепенной локализации миграций из села в город. В национально-смешанных регионах, в районах расселения “титულных” этносов России “локализация” процессов урбанизации с неизбежностью вызвала усиление миграций в города представителей коренных этносов данных территорий, как правило, составляющих большинство в сельской местности. Сложившиеся на первом этапе “урбанизационного бума” 1930—1960-х гг. различия в национальном составе городского и сельского населения национальных автономий РФ на новом этапе постепенно сглаживаются, сближается отраслевой состав занятого населения разных национальностей.

Все эти процессы, ставшие в настоящее время предпосылкой глубинных изменений в культуре и менталитете русского этноса, так же как и макроизменения предыдущих десятилетий, не случайны, а жестко детерминированы экологией развития русского этноса. Они обусловлены самим неизбежным и вынужденным процессом вступления русского этноса в третью фазу перехода от экстенсивной к интенсивной модели развития.

б) Неизбежность структурных изменений.

Переход к третьей фазе и к формированию интенсивных городских культур вызван следующими конкретными факторами:

- 1) изменением характера и уровня миграционной подвижности русских;
- 2) изменением вследствие этого характера расселения русского этноса;
- 3) завершением демографического перехода и складыванием отрицательного баланса естественного воспроизводства русского этноса.

Тридцатилетие 1960—1980-х гг. было периодом, когда, с одной стороны, значительно упали возможности для дальнейшей территориальной “экспансии” русского этноса в связи с завершением демографического перехода и резким уменьшением темпов естественного прироста, с другой стороны, продолжала действовать культурная традиция экстенсивного освоения среды (благо еще среда позволяла). Ее примером служили “великие стройки социализма”, наиболее значительной из которых был БАМ. Первую волну послевоенных “плановых миграций”, охвативших в основном русское и украинское население, вызвали “мероприятия” по заселению Восточной Пруссии, Крыма, территории бывшей Республики Немцев Поволжья, Дальнего Востока, Северного Кавказа, наконец, целинная эпопея. Точную оценку численности этих потоков дать трудно, однако, по всей видимости, только русские составили в них около 1,5 млн. человек.

В 1960—1970-е гг. происходили массовые миграции русского и другого славянского населения СССР в восточные и северные районы РСФСР, а также в городские поселения всех без исключения союзных республик; русские оказались самым подвижным в миграционном отношении этносом СССР. Однако с начала 1980-х гг. лидирующее положение русского этноса в этом отношении стало понемногу утрачиваться, и к началу 1990-х гг. он занимал уже средние позиции по интенсивности

миграций среди “титульных” этносов союзных республик, хотя русские по-прежнему сохраняли приоритет в межреспубликанских миграциях.

О постепенной миграционной стабилизации русского городского населения и формировании устойчивых городских локальностей говорят также следующие факты:

1) За последние четверть века резко упали темпы прироста численности и доли горожан среди русских.

2) В 1980-е гг., по данным переписи, уменьшилась доля городского русского населения, проживающего в месте их прописки менее двух лет, то есть увеличилась миграционная устойчивость городского населения.

3) С середины 1970-х гг. постоянно увеличивается доля горожан среди мигрантов, прибывающих в города России (по данным текущего учета населения), другими словами, и миграции не оказывают больше такого деструктивного влияния на культуру города, как раньше. Это явилось следствием усиления “иерархического” направления в миграции, когда сельский житель сначала переселяется в малый город, затем он или его дети — в средний город и только после этого — в крупный. Таким образом, в большие города все чаще стали попадать относительно подготовленные к городской жизни люди в отличие от первых этапов экстенсивной урбанизации, когда значительную часть мигрантов составляли сельские жители. В то же время в течение всего рассматриваемого периода отчетливо проявлялась инерция экстенсивного развития.

Урбанизация прогрессировала не столько за счет “уплотнения” сети городов и формирования устойчивых локальных городских субкультур со всеми присущими им социальными функциями, сколько за счет экстенсивного развития конурбаций и мегаполисов. Проблема “вымывания” малых и средних городов неоднократно и справедливо рассматривалась многими советскими урбанистами — социологами и географами — в качестве важнейшей проблемы советского, и прежде всего российского, русского общества. Многие важные элементы культуры ставшие впоследствии основой европейской урбанистской цивилизации, складывались и консолидировались именно в малых и средних городах (например, “привычка” соблюдать этикет товарно-денежных отношений). Через малые и средние города в свое время прошла практически вся Европа, впитав в себя основы развившейся в них культуры. Наоборот, в период экстенсивной урбанизации в России средние и малые города были не столько “аккультурационными тамбурами” для мигрантов на пути из села в большой город, сколько “прямоточными каналами” миграционной подвижности.

Одним из главных факторов, поддерживавших высокий уровень миграции по линии “село — город”, в 1970-е гг. было искусственное “сселение”, “укрупнение” сельских населенных пунктов, проводившееся в несколько этапов, но принявшее характер общегосударственной кампании на рубеже 1960-х и 1970-х гг. Основной целью этих мероприятий явилась “стабилизация” миграционных потоков из села в город, которые к этому времени приняли катастрофический характер. Однако совершенно неожиданно для функционеров и теоретиков, стоявших у истоков этой реорганизации села, она привела к прямо противоположным последствиям: отток населения не ослаб, а усилился.

Ретроспективный анализ позволил вскрыть две причины неожиданности результата мероприятий по стабилизации российской деревни. Первая — чисто информационная небрежность и недостаточная изученность миграционных процессов

в тогдашней деревне. Оказалось, что устойчивая численность крупных и средних сел определялась отнюдь не большей стабильностью и меньшей миграцией их населения, а тем, что такие села были как бы бассейном из известной школьной задачи, куда население “вливалось” из более мелких сел, и откуда оно “выливалось” в города. Иллюзия устойчивости достигалась за счет относительного баланса этих двух потоков. Когда же население “малых деревень” было переселено в крупные села, нарушилось естественное равновесие миграционного потока и население крупных сел стало быстро уменьшаться. Более того, суммарная скорость миграции не упала, как можно было ожидать исходя из возросших затрат на инфраструктуру, а увеличилась. Прирост миграции был обусловлен тем, что переселение окончательно разрушило “живую ткань расселения”, подорвало глубинную структуру межличностных связей в сельских локальных субкультурах. Именно окончательное разрушение последних и было дополнительным фактором, усилившим миграции из села в город в 1970-х гг. после проведения мероприятий по укрупнению сельских поселений. Этот вновь хлынувший поток сельских мигрантов хотя и увеличивал численность городского населения, в то же время тормозил качественные урбанизационные процессы. Именно этот поток, прокатившись по иерархической цепочке поселений, составил основу социального слоя “лимитчиков” даже на самых престижных производствах больших городов. Социальным последствием этого потока было сдерживание качественного развития городских локальных субкультур, которые более-менее стабилизировались к началу 1960-х гг.

Другой причиной стагнации качественных процессов в городах был, наоборот, отток из городов молодой, активной, адаптированной части населения на многочисленные “стройки века”, которые как мы уже отмечали, были одним из последних рецидивов инерции экстенсивного развития российской цивилизации. Наиболее ярким проявлением этого процесса был БАМ. Конечно, поначалу большую часть мигрантов составляла русская молодежь — вчерашние сельчане или неадаптировавшиеся мигранты из села в город. Однако из года в год нарастала доля коренных горожан.

Тормозящее действие экстенсивных миграций на процессы урбанизации проявлялось не только в том, что “настоящие” горожане замещались мигрантами, но и в том, что за счет “экстенсивного фактора” — оттока населения оттягивалось разрешение проблем городов, качественной перестройки системы взаимоотношений в них, повышения их роли в качестве локальных центров.

Однако, “стройки века” поглощали все же относительно незначительную часть населения. Гораздо большее влияние на судьбы русского города имело формирование русской диаспоры в бывших союзных республиках. Десятилетиями шел процесс “урбанизации наизнанку”, когда люди, способные составить костяк городских локальных субкультур на территории России, создавали их на территории других народов. Однако, в настоящий момент многие из этих локальностей находятся под угрозой исчезновения.

Миграционные потоки, вызванные распадом этих субкультур и массовой миграцией русских горожан в Центральные районы России и в Сибирь, могут непосредственно стимулировать процессы качественной урбанизации, а могут на начальном этапе, наоборот, затормозить этот процесс, так как вновь подпитывают резерв дешевой рабочей силы — один из постоянных тормозов качественного преобразования отечественной промышленности на протяжении десятилетий.

Отток русского населения в другие союзные республики не прекращался вплоть до начала 1990-х гг.. Однако в этот период уже проявились тенденции к его замедлению. Так, например, положительное сальдо миграции русских из России в республики Закавказья уже к концу 1960-х гг. стало меняться на отрицательное, то есть уезжать оттуда стало больше русских (да и представителей других — «европейских» и «неевропейских» — национальностей), чем приезжать. Постепенно выезд стал преобладать над въездом и в других союзных республиках. Последним регионом массового интенсивного выезда русского населения из Центра стала Прибалтика: в Латвии и Эстонии приток населения преобладал над оттоком почти до самого распада Союза.

При всех различиях в истории формирования и структуре между русскими группами в странах «ближнего зарубежья» целый ряд факторов, определяющих стабильность, является для них общим.

а) Значительное большинство среди русских во всех регионах составляли и составляют горожане, меньшую часть — сельские жители. В целом доля сельских жителей равнялась, по данным переписи 1989 г., среди русских — 22%, на территории РСФСР — 23%, а в других союзных республиках — 10-12%. В большинстве своем сельское русское население «ближнего зарубежья» было вполне адаптированным к местной среде. Так русские локальные этноконфессиональные группы проживали на территории Закавказья и Бессарабии с начала XIX в., в оренбургских степях (нынешний Северный Казахстан) — с XVIII в.

42

б) В то же время для русской диаспоры характерна определенная оторванность сельских от городских локальных субкультур. Сельские группы обычно в той или иной степени представлены в городах, однако все же слабо связаны с русским городским населением, которое формировалось, как правило, позже и на основе совсем других миграционных потоков. Такая картина характерна для русских Закавказья, Молдавии, Киргизии, в меньшей степени — Казахстана. То, что русские группы в городе и на селе развивались почти независимо друг от друга, затрудняло процессы самоорганизации этноса в критических ситуациях и способствовало миграционному оттоку.

в) Факторами, дестабилизирующими русские этнолокальные группы в «ближнем зарубежье», являются неоднородность и низкая степень сплоченности русского городского населения. Помимо недавних мигрантов из России, в городах новых независимых государств велика доля коренного русского городского населения, чьи предки обитали здесь на протяжении двух — трех и более поколений. Эти люди зачастую восприняли многие особенности культуры местного населения. В Молдавии и Закавказье среди русских горожан доля потомков от национально-смешанных браков, как с людьми «титовых» национальностей, так и с представителями этнических меньшинств данных регионов составляет от 20 до 40%. Кроме того, к русскому населению примыкает и значительная часть татар, евреев, армян, украинцев и т. д.; все вместе эти люди образуют мощные пласты в городском населении бывших союзных республик, которые в последнее время получили наименование «русскоязычного населения».

Собственно русское население является основой, ядром более широкой этнокультурной общности — русскоязычного населения. Эта широкая этносоциальная общность обладает объективными структурными предпосылками устойчивости в любой из республик бывшего СССР, включая Армению, где их доля очень мала. К этим предпосылкам относится прежде всего достаточная численность, развернутый

отраслевой состав, наличие множества локальных групп, развитая система русских школ. В то же время эти объективные возможности самоорганизации этносов реализуются далеко не полностью. Этому препятствуют, общая черта русского этноса — наследие периода сверхвысокой миграционной подвижности — его слабая мезоструктура, неустойчивость внутриэтнического общения. Эта особенность проявляется конкретно в следующих чертах: слабая сплоченность локальных субкультур, особенно городских; слабое взаимодействие между локальными субкультурами; несформированность надлокальных кругов общения, которые обслуживали бы субэтнос в целом. Под влиянием этнического прессинга будет происходить поляризация русских субкультур — одни из них смогут самоорганизоваться и консолидироваться, другие ослабнут и скорее всего перестанут существовать как целостные этнокультурные образования. Судьба каждой из них будет определяться не только их внутренней структурой, но и влиянием других факторов, прежде всего интенсивностью “внешнего” давления на субэтнос, политики российского государства и т. д. Можно, однако, предположить, по совокупности параметров стабильности этноса, что наименее устойчивы русские (русскоязычные) группы Закавказья. По совокупности структурных параметров наиболее стабильны группы Средней Азии и Казахстана, но именно они могут оказаться под наиболее жестким прессингом, вызванным неизбежными процессами экстенсивной урбанизации титульных этносов. Существуют определенные предпосылки для консолидационных процессов русскоязычного населения Прибалтики и Молдавии, однако, не исключено, что консолидация охватит лишь часть локальных субкультур, в то время как некоторые из них не устоят и распадутся. Не исключено также формирование на территории нынешних независимых государств двух и более относительно самостоятельных “блоков” русских локальных субкультур, например, в Молдавии — Приднестровье, собственно Бессарабия, в Эстонии — локальности, ориентированные на Нарву-Силлумяэ и на Таллинн.

Судьбы русских локальных субкультур во многом будут определяться тем, в какой степени они смогут вписаться в экономическую ситуацию в государствах их нынешнего обитания. Это во многом зависит от отраслевого состава русского и русскоязычного населения. Формирование русских анклавов было связано с развитием новых отраслей, прежде всего — промышленности.

Целый ряд отраслей промышленности, связанных прежде всего с ВПК, до известной степени был искусственно навязан экономике таких регионов, как Прибалтика, Средняя Азия, Закавказье. Если бы эти регионы развивались самостоятельно, они вряд ли стали бы внедрять у себя эти отрасли в тех масштабах, как это имело место в условиях СССР. Большинство предприятий этих отраслей в принципе не может быть перепрофилировано так, чтобы органично вписаться в экономику регионов. Поэтому, хотя отток работников из этих отраслей и означает объективно понижение уровня квалификации рабочего класса и инженерного корпуса, однако отток этой части русского населения в принципе имеет положительное значение для регионов.

Совсем иные последствия будет иметь выезд специалистов из тех отраслей социальной и промышленной инфраструктуры, науки, которые имеют ценность и помимо включенности в ВПК — энергетика, связь, здравоохранение, технические и фундаментальные науки, а также из сферы культуры. Здесь потери для таких регионов, как Средняя Азия, Закавказье уже приводят и будут приводить в дальней-

шем к существенному снижению профессионального уровня. Это негативно скажется на развитии экономики и общества в данных регионах.

В тех республиках, где “коренные” национальности традиционно вели скотоводческое хозяйство, или даже занимаются земледелием, но сосредоточены в производстве товарных монокультур (хлопок), роль русских крестьян с достижением независимости государств не уменьшается, а увеличивается. Это относится и к Закавказью, и к Средней Азии, и к Казахстану.

Судя по динамике межэтнической брачности, русским группам ближнего зарубежья в ближайшем будущем вряд ли угрожает ассимиляция. Слишком низок процент вступивших в такие браки с лицами “титульных” наций. Несомненно, однако, что в ряде случаев будет происходить очень значительный отток русского и русскоязычного населения. Последствия этого миграционного потока могут быть очень разными, даже противоположными, в зависимости от того, как он повлияет на стабильность локальных субкультур русского этноса, на формирование межлокальных связей и надлокальных субкультур.

В русской культуре, во всех ее механизмах, порах заложена колоссальная инерция экстенсивного развития: она проявляется и в специфике экономических отношений, и в этике бытового повседневного общения, и в художественной культуре. Сущность, глубинный смысл последнего тридцатилетия (1960—1980-е гг.) как раз и состоял в том, что, исчерпав целый ряд важнейших ресурсов экстенсивного развития, русский этнос по традиции, согласно глубоко заложенной в его структуре и менталитете культурной инерции, продолжал воспроизводить многие формы поведения, свойственные именно “экстенсивной” культуре.

Это противоречие не могло ни привести к явному проявлению кризиса русской культуры, и оно привело к нему в последнее десятилетие XX в..

44 С этой точки зрения драматичным для русского этноса событием, фактом, влияющим на переориентацию русской культуры в целом, является не только поток мигрантов и беженцев в Центральную Россию и, отчасти, в Сибирь, который, как показывают данные, не столь уж и велик, сколько не осознанная пока в полной мере невозможность решить локальные проблемы за счет внешней экспансии, например уехать туда, где этих проблем нет или где они не столь остры. Об этом социальном механизме, в применении к ситуации в России начала XX в., писал И.Солоневич: “Русский босяк, включенный в состав Великой Империи, имел и еще некоторые преимущества, каких английский пролетариат лишен начисто: русский босяк или тульский рабочий могли в любой момент плюнуть на Тулу или на Ростов, и двинуться в Хиву или на Амур. Английский пролетарий этой свободы лишен. Дома в границах своей собственной Империи он не может передвигаться: его не пускают ни в Канаду, ни в Австралию, ни в Южную Африку, вообще никуда. Ибо Австралия и прочие населены “независимыми нациями”, и эти независимые нации не пускают к себе даже и участников войны. Разумеется, только тех, у кого нет достаточного количества денег” (14).

Точно так же, как “взрыв” мезоструктуры русского этноса был жестко запрограммирован сочетанием демографических, экологических и экономических факторов, стабилизация мезоструктуры этноса конца века практически однозначно определяется иным сочетанием тех же самых факторов. Завершение демографического перехода и стабилизация режима естественного воспроизводства на низком уровне делали невозможной дальнейшую территориальную экспансию русского этноса. А структурная неустойчивость “внешних” локальностей русского этноса —

анклавов “ближнего зарубежья” — в сочетании с нараставшим сопротивлением этнической среды форсирует переход к новой стадии интенсивного развития — окончательному превращению русской культуры в интенсивную.

Изменившийся характер миграции проявился в конечном итоге и в изменении характера расселения русского этноса.

Экстенсивное расширение территории обитания русских продолжалось до самого начала 1990-х гг.. Так, доля русских, проживающих на территории РСФСР, постоянно сокращалась, хотя за 1980-е гг. этот показатель почти не изменился. (см. табл.3). Непрерывно возрастала доля русских, проживающих на территории европейских республик СССР — Украины, Белоруссии, Молдавии, в республиках Прибалтики. Однако в течение 1980-х гг. этот прирост был минимальным и составил всего 0,3 процентных пункта. Доля русских, проживающих в Средней Азии и Казахстане, среди всего русского населения СССР увеличивалась вплоть до начала 1990-х гг., а затем начала достаточно быстро сокращаться. К сожалению, невозможно проследить этот процесс по годам, однако расчеты показывают, что перелом в миграционной подвижности, а следовательно, и в динамике доли русских, проживающих в этих регионах, приходится на середину 1970-х гг., приблизительно — на 1975 г. В течение всего послевоенного периода уменьшалась доля русских, проживавших в Закавказье. Если к концу 1990-х гг. сохранится сопоставимость программ переписей, проводимых на территории бывшего СССР, тогда вне всякого сомнения впервые в истории проведения общесоюзных переписей будет зафиксировано увеличение доли русских, проживающих на территории Российской Федерации.

Тенденции к увеличению территориальной концентрации русских наблюдались в последние гг. и на территории Российской Федерации, хотя этот процесс имел нелинейный характер.

Таблица 3

ДИНАМИКА РАССЕЛЕНИЯ РУССКИХ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СССР

Годы проведения переписи	1959	1970	1979	1989
РСФСР	85,8	83,5	82,6	82,5
Украина, Белоруссия, Молдавия	6,9	8,1	8,8	9,1
Прибалтика	0,9	1,0	1,1	1,2
Всего:	7,8	9,1	9,9	10,3
Казахстан	3,5	4,3	4,4	4,3
Средняя Азия	1,9	2,3	2,5	2,3
Закавказье	0,8	0,8	0,7	0,6
Всего:	5,4	6,6	6,9	6,6

Приведенные в табл. 4 расчеты носят весьма условный характер. Ввиду изменений административно-территориального деления практически невозможно идентифицировать территорию экономических районов по разным переписям. И тем не менее мы можем по приведенным показателям представить общие тенденции расселения русских на территории России.

Несомненно, что картина расселения русского этноса в XXI в. существенно изменится, в частности возрастет концентрация русских в центральных регионах России. Изменение тенденций расселения будет способствовать консолидации локальных субкультур русского этноса на территориях его преимущественного оби-

тания. Главным признаком этого процесса будет значительное возрастание удельного веса внутрирегиональных и локальных миграций по сравнению с межрегиональными и маятниковых миграций по сравнению с перемещением на постоянное местожительство. Локализация миграционных потоков будет определяться процессом формирования локальных рынков товаров и услуг и с развитием процессов интенсивной урбанизации.

Таблица 4

ДИНАМИКА РАССЕЛЕНИЯ РУССКИХ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЙОНАМ

Экономические районы	Годы проведения переписи						
	1926	1937	1939	1959	1970	1979	1989
Северный	2,23	3,65	3,73	3,85	3,95	4,08	4,19
Северо-Западный	6,80	6,39	6,32	5,85	5,92	6,15	6,22
Центральный	29,68	27,50	28,94	24,87	24,18	23,93	23,92
Волго-Вятский	6,79	8,05	7,67	6,44	5,82	5,28	5,30
Центрально-Черноземный	9,79	10,11	8,80	7,60	7,14	6,59	6,14
Поволжский	13,10	8,30	7,87	9,73	10,11	10,24	10,05
Северо-Кавказский	2,20	6,47	6,59	9,44	10,05	9,96	9,37
Уральский	5,61	10,28	10,66	13,10	12,88	12,53	12,32
Западно-Сибирский	6,03	8,66	8,44	9,94	10,09	10,48	10,64
Восточно-Сибирский	1,86	4,46	4,64	5,85	6,30	6,48	6,38
Дальневосточный	0,82	нет	св.2,18	4,00	4,54	5,13	5,30

46 Важнейшим фактором, ограничивающим возможности и снижающим потребности в экстенсивном развитии, является завершение демографического перехода. Впервые за всю историю русский этнос в 1960-х гг. перестал существенно увеличиваться за счет естественного прироста в мирное время, а к началу 1990-х г. возникли даже тенденции к депопуляции.

В 1960-е гг. казалось, что русский этнос по демографическим характеристикам практически полностью соответствует общеевропейским стандартам. Вполне можно было ожидать, что в дальнейшем его демографическое развитие пойдет тем же путем, что и большинство других этносов Европы. Однако этого не произошло. К концу XX в., через поколение после завершения демографического перехода, русский этнос оказался в кризисном состоянии. Этот кризис проявился в числе прочего и в демографических процессах.

Главное из этих проявлений — это рост смертности и снижение продолжительности жизни, которое наблюдается в России на протяжении последних 25 лет. Отчасти это было следствием неизбежного старения населения; однако возрастали не только абсолютные, но и повозрастные показатели смертности. “Результатом наблюдавшейся в последние два—три десятилетия в России динамики смертности явилось качественное отставание России от всех экономически развитых стран мира по показателям продолжительности жизни. Если в 1960-е гг. ее параметры в целом соответствовали среднеевропейскому уровню (64—65 лет для мужчин и 73 года для женщин), то сегодня отрыв от него составляет минимум 7—10 лет” (15). По мнению демографов, особенно неблагоприятная ситуация сложилась с детской смертностью (т. е. смертностью в возрасте до 1 года). Даже официально признавае-

мый уровень (18—20 умерших в течение первого года жизни на каждую 1000 родившихся) хотя и ниже, чем в большинстве развивающихся стран, где он составляет обычно 30—150%, однако значительно выше показателей по развитым странам (8—12%). Некоторые специалисты считают, что реальная детская смертность в России приблизительно в 1,5 раза превышает официальный уровень: хронический недоучет детской смертности вызван как сокрытием некоторого числа рождений, так и разными принципами регистрации младенческой смертности у нас и в большинстве зарубежных стран.

Другим показателем демографического кризиса русского этноса является продолжающееся падение уровня рождаемости, особенно рельефно проявившееся с начала 1990-х гг. Многие исследователи подчеркивают особую актуальность проблемы воспроизводства русского населения как этнического большинства России. По оценкам демографов, русские имеют самый низкий уровень рождаемости и один из наиболее высоких показателей смертности среди основных национальностей России.

В условиях одновременного повышения смертности и понижения рождаемости Россия впервые в своей истории столкнулась с реальной перспективой отрицательного естественного прироста населения и тенденций к депопуляции. Демографические прогнозы обычно носят условный и приблизительный характер и содержат неточную оценку значения того или иного демографического параметра, а лишь интервал, в пределах которого с высокой вероятностью будут изменяться его значения в ближайшем будущем. Наиболее вероятным сюжетом развития событий является сокращение численности населения России: в еще большей степени это относится к русскому этносу, поскольку у него более неблагоприятное соотношение рождаемости и смертности, чем у других этносов России.

Весь двадцатый век составляет переходный период в истории русского этноса от экстенсивной к интенсивной модели развития. В начале и в конце этого переходного периода явно прослеживаются два этапа обострения кризисного состояния. Оба эти этапа непосредственно связаны с демографическим развитием. Кризис начала века был вызван очень высоким естественным приростом, возникшим в процессе демографического перехода, способствовал окончательному сломи и взрыву традиционной хозяйственной и социальной системы России. Кризис советского общества 1960—1990-х гг. также в значительной степени имеет под собой демографические основания. Одной из главных его причин было противоречие между тенденцией экстенсивного использования трудовых ресурсов, основанной на постоянном притоке дешевой рабочей силы в города и новой ситуацией, характеризующейся сочетанием низкого естественного прироста с относительным подорожанием рабочей силы. Весьма значительный рост материального благосостояния в конце 50-х — начале 70-х г. в России был обусловлен в отличие, например, от Европы или Японии не с интенсивными, а экстенсивными факторами в развитии экономики, т. е. не с использованием новых технологий, а с разработкой природных ресурсов и продажей их за рубеж.

Новый режим естественного воспроизводства впервые в истории русского народа породил проблему постоянного и устойчивого дефицита трудовых ресурсов. На протяжении жизни 6—7 поколений высокий естественный прирост обеспечивал практически неограниченный приток дешевой и малоквалифицированной рабочей силы в города, что обусловило многие особенности экономики и культуры русских городов, да и русского общества в целом.

Одна из последних волн массового миграционного притока из сел в города России была связана с окончательным развалом частного сектора в сельском хозяйстве в начале 1960-х гг. Возрождение частного сектора в первые послевоенные годы было одним из главных факторов, обеспечивавших относительное благополучие в продовольственной сфере конца 1950-х гг. И если раскулачивание и коллективизация 1930-х гг., хотя и принесли много горя народу, в известной степени были мерами вынужденными, так как позволяли хотя бы как-то контролировать поток мигрантов из сел в города, то вторая волна “раскулачивания”, хотя и не сопровождалась потоками крови и шумными политическими процессами, в то же время не была столь жестко детерминирована демографической ситуацией. Гибель частника как класса нанесла удар не только селу, но и городу, поскольку вместо интенсификации и технологического совершенствования производства появилась возможность идти прежним путем привлечения дешевой и низкоквалифицированной рабочей силы в целях выполнения плана любой ценой. По мнению одного из ведущих специалистов в области трудовых ресурсов В.Г.Костакова, “миграционный бум” 1960-х гг. в значительной степени способствовал стагнации научно-технического и технологического прогресса нашего общества, который и привел в конечном итоге к экономическому и политическому кризису 1990-х гг.

До начала 1960-х гг. у России, по крайней мере теоретически, был выбор — пойти по пути формирования производства, основанного на высококвалифицированной рабочей силе, или продолжить тенденцию, сформировавшуюся под влиянием избытка трудовых ресурсов 1930-х гг., когда легче было взять на работу десяток-другой подсобников из деревни или малого города, чем поставить одну высокопроизводительную линию, обслуживаемую двумя высококвалифицированными специалистами. Победа первой тенденции свидетельствовала о том, что инерция экстенсивного развития еще не изжила себя, что потребует, по крайней мере, еще один виток экстенсивного развития, чтобы общество, этнос осознали бесперспективность этого пути в новых условиях. Этот виток и уместился в интервал, соответствующий длительности одного поколения — с начала 1960-х до конца 1980-х гг.

Если показатели рождаемости, смертности и брачности в течение трех десятилетий изменялись достаточно плавно и лишь в начале 1990-х гг. явственно проявились кризисные явления, то показатели стабильности браков испытывали существенные колебания и скачки.

Уровень стабильности семьи является одним из главных показателей состояния этноса. Речь идет именно об этносе, а не об обществе в целом. Наглядный пример тому — народы России и бывшего СССР. Они, безусловно, составляли единое общество. Однако уровень разводимости у разных этносов различался к концу 1980-х гг. иногда в пять — семь раз. К сожалению, в централизованном порядке данные текущего учета о разводимости по национальному признаку не публиковались. Тем не менее не вызывает сомнения, что браки, где один или оба супруга — русские, относились к наименее стабильным. Это следует из целого ряда фактов. Во-первых, в течение всего периода РСФСР имела наиболее высокие общие показатели разводимости (число разводов на 1000 населения) по сравнению с другими регионами СССР. Во-вторых, в пределах самой Российской Федерации, так же как и в других республиках бывшего СССР, показатели общей разводимости по областям зависели от доли русских в населении той или иной области — при прочих равных условиях, чем выше доля русских в населении области, тем выше общие

показатели разводимости. Наконец, когортный анализ устойчивости браков различного национального состава показал, что однонациональные русские браки в инонациональной или национально-смешанной среде, как правило, наименее стабильны. Эта закономерность прослеживалась в Грузии и Молдавии, Эстонии и Казахстане. На протяжении почти всего периода 1960—1980-х гг. разводимость русских семей увеличивалась, так же как и разводимость среди семей другого национального состава, так что дистанция сохранялась. Интересно, что русские однонациональные семьи в национально-смешанных средах были зачастую даже менее устойчивы, чем национально-смешанные. Разводимость однонациональных русских семей превышала и разводимость среди этносов, близких к русским по культуре, по доле городского населения — народы Прибалтики, украинцы, белорусы, молдаване.

в) Изменения в культуре.

Переход к интенсивной модели развития неизбежно будет модифицировать основы современной культуры русского этноса. Здесь невозможно дать полный анализ новых тенденций в развитии русской культуры. Отметим, однако, основные тенденции.

Исторические перипетии, происходившие с русским этносом на протяжении XX в., сказались на его устойчивости как целостной культурной системы. Как же выглядело развитие русского этноса за этот период с точки зрения структурных факторов его устойчивости?

Первый фактор устойчивости этноса — это стабильность локальных субкультур. Основным элементом мезоструктуры русского этноса еще в начале XX в. была сельская община. Ее внешняя устойчивость и незыблемость оказались иллюзией и пали под давлением внутренних тенденций развития российского общества.

Другим структурным фактором “неустойчивости” русского этноса была слабая “горизонтальная” связь между локальными культурами. Русский этнос создал достаточно мощные надлокальные субкультуры (предприниматели, политические структуры, интеллигенция и т. д.), однако они были практически полностью оторваны от локальных субкультур и поэтому мало влияли на возможности самоорганизации этноса.

Таким образом, с точки зрения структурных критериев самоорганизации русский этнос на рубеже веков был весьма уязвим. Этноэкологический кризис первой трети XX в. в полной мере проявил эту его слабость. Однако в самом этом кризисе были заложены предпосылки грядущего этнического возрождения. Разрушение сельских и городских локальных общностей сопровождалось усилением межлокальных связей за счет мощных миграций и развития средств массовой информации, а также образованием надлокальных субкультур — интеллектуальных, административных, предпринимательских кругов общения.

Основное содержание третьего этапа развития русского этноса в XX в., а также его последнего десятилетия, состоит в постепенной стабилизации новой структуры русского этноса. Если в начале века русский этнос представлял из себя совокупность относительно устойчивых элементов, объединяемых слабыми связями, а в середине века наоборот — характеризовалась мощными информационными и межличностными связями между очень слабыми и нестабильными локальными субкультурами, то в настоящее время происходит завершение диалектического

витка — постепенная стабилизация новых локальных общностей при активном функционировании над- и межлокальных связей. Таким образом, русский этнос, с точки зрения информационно-иерархической гипотезы, находится в начале этапа стабилизации на более высоком уровне.

Это с неизбежностью повлечет за собой усиление роли устойчивых кругов межличностного общения, особенно в некоторых городах. Это могут быть родственные и земляческие круги. “Ревитализация” локальных групп начинает проявляться уже сейчас, но в основном этот процесс придется на следующее поколение. Таким образом, уменьшится доля лиц, живущих вне “сетки” устойчивых социальных связей, межличностных отношений. Это с неизбежностью повлечет за собой развитие системы отношений, характерных для интенсивных культур, прежде всего будет стимулировать осознание жителями городов необходимости “игры по правилам”, то есть взаимного соблюдения определенных правил общения, поддержания этикета, возрастет необходимость кристаллизации социальных ролей, более строгого соблюдения взаимных ролевых ожиданий. Как обратная сторона этого процесса неизбежно увеличится необходимость “психологической маскировки”, т. е. сокрытия своих истинных чувств и намерений за стандартным набором жестов, фраз, костюмов, соответствующих определенному имиджу. Со всем не случайно в последние годы столь всеохватывающее значение в русском обществе приобретает мода. мода есть прежде всего искусство формы, то есть искусство интенсивных культур.

По мере утраты русской культурой качеств экстенсивности и приобретению ею интенсивных черт все большую роль в жизни русского этноса будет играть конкуренция.

Собственно говоря, одна из основных функций интенсивной культуры как раз и состоит в том, чтобы сглаживать, регулировать конкурентные отношения, неизбежно возникающие в условиях дефицита основных ресурсов. Главной причиной возросшей конфликтности на территории России является конкуренция из-за территории, природных ресурсов и т. д. Однако это лишь одно из условий. Другое — отсутствие в российской цивилизации в целом и в русской культуре в частности социальных и психологических механизмов разрешения конфликтов, свойственных интенсивной культуре. В российской традиции преобладали два метода разрешения или предупреждения конфликтов: а) насилие; б) привлечение большого количества дополнительных избыточных ресурсов. Оба эти метода характерны для культур экстенсивных либо переходных и перестают быть единственными и даже главными в условиях культур интенсивных (хотя, конечно, и не исчезают совсем). Интенсивная культура в принципе не может долгое время базироваться на одностороннем насилии, поскольку основной принцип ее внутренней организации — координация, а не субординация. Насилие используется в интенсивных культурах как метод решения временных локальных конфликтов (и чаще всего безуспешно), но не в качестве универсального средства организации всей системы. Поскольку усиление территориальной, социальной, культурной, этнической дифференциации российского общества является неизбежным следствием его превращения в общество интенсивной культуры, а усиление конкуренции — одной из важнейших предпосылок, постольку одним из главных элементов культуры, которые в дефиците в нынешней (да и в прошлой) русской культуре, это парадигма переговорного процесса для сохранения целостности для обеспечения взаимных интересов. Огромный опыт “практической конфликтологии” накоплен в западноевропейской

цивилизации — его необходимо изучить и использовать у нас там, где возможно. Однако основная работа должна идти все же в направлении обобщения собственного опыта разрешения конфликтов на территории России и бывшего СССР.

Переход от попытки форсирования методов управления, свойственных экстенсивной культуре, к методам координации, присущим культурам интенсивным, обуславливает и коренное изменение политической ситуации в России. Политический (как и культурный) монизм есть принцип организации культур экстенсивных, поскольку только безусловный приоритет одной из культур способен обеспечить хотя бы видимость единства разнородного культурного конгломерата, объединяемого доминирующей культурной системой. Наоборот, плюрализм, этнический и культурный, превращается в самодостаточную ценность, в символ и основной принцип организации именно тогда, когда усиливаются глубинные тенденции к унификации популяции, т. е. в условиях интенсификации культуры.

Политический плюрализм, только зарождающийся в настоящее время в России, не есть результат “полевения”, “ослабления” сверху. Наоборот, политические и экономические реформы “коммунистических” и “антикоммунистических” властей в конечном итоге вынуждаются глубинными процессами, идущими в недрах русского этноса и всей российской цивилизации. Социальной предпосылкой формирующегося политического плюрализма является складывание устойчивых социальных групп в рамках недавно еще в значительной степени гомогенного в социальном и экономическом отношении населения. Политические партии тогда по-настоящему сделаются политическими, когда они будут представлять интересы определенных слоев и групп населения, а не самих себя по преимуществу. Однако для этого необходимо как минимум, чтобы в обществе сложились устойчивые слои и группы. Процесс их формирования достаточно длителен и, конечно, значительно отстает от темпов организации политических партий. Поэтому нынешние партии в большинстве своем не являются таковыми в полном смысле слова — они не имеют четкой и определенной социальной опоры. Однако политическая ситуация в России быстро и неотвратно движется в направлении настоящего политического плюрализма, когда каждая партия будет иметь более четкую и определенную социальную основу. На наш взгляд, этот плюрализм не продлится слишком долго — традиции русского монополизма в течение жизни одного—двух поколений оставят “на поверхности” две—три макропартии.

Когда мы говорим о сохранении и восстановлении традиций, то обычно подразумеваем возвращение к традициям православия как к чему-то “исконно русскому”, забывая, что носителем определенной культуры может быть только вполне определенная группа. Культура русского православия была преимущественно культурой сельской. Многие ее черты были обусловлены именно этим фактом. И нельзя восстановить ее полностью и даже в основных чертах именно потому, что безвозвратно ушел в прошлое ее основной носитель — сельская русская община. Попытки возрождения православия не должны приводить к полунасилованному его насаждению за счет других форм культурной организации этноса.

Традиция не есть нечто статичное, от века ставшее и передающееся из поколения в поколение. Традиция есть инерция поведения большой группы. Каждое новое поколение привносит что-то свое, новое в культурный багаж этноса, оставляя старое. Это новое само в свою очередь начинает восприниматься и закрепляется как традиция. Традиции лишь тогда достойны сохранения, если они обеспечивают наиболее эффективную адаптацию данного этноса к новым социальным и эконо-

мическим условиям. За последние 70 лет русский народ также накопил значительный исторический опыт, в том числе и положительный. И ясно, что сохранение лучших традиций недавнего прошлого не менее важно, чем попытка восстановить даже самые лучшие традиции давно ушедших поколений. С этой точки, зрения многие элементы социальной организации, возникшие и развившиеся в период “развернутого строительства социализма”, являются такой же традицией и также достойны сохранения и развития, в том случае если они способствуют адаптации русского этноса в новом для него мире.

В целом ясны общие тенденции движения русской культуры и российской цивилизации. Нельзя, однако, предполагать, что их становление пойдет гладко и бесппроблемно. Смена культурных образцов поведения будет проходить в течение жизни нескольких поколений; весь этот период будет наполнен острыми противоречиями и открытыми конфликтами. Фронт будет проходить как на личностном, так и на межличностном уровне. Конфликты на личностном уровне будут связаны с тем, что значительная часть русских еще долгое время будет находиться как бы перед выбором между системами ценностей экстенсивных и интенсивных культур. Это будет поддерживать состояние психологической маргинальности у части общества. Конечно, самими людьми это явление будет восприниматься в иных терминах. Не вызывает, однако, сомнения, что общество будет находиться в состоянии повышенной взрывоопасности до тех пор, пока не будет исчерпан этот ценностной конфликт, т. е. до утверждения основных принципов интенсивной культуры в среде русского этноса.

52

Однако конфликты переходного периода могут реализоваться не только в форме конфликтов внутри личности, но и на межличностном и межгрупповом уровне. Ценности и нормы поведения, свойственные интенсивным и экстенсивным культурам, могут концентрироваться в разных социальных группах. И конфликт ценностей в этом случае может приобрести не только психологическое, но и чисто материальное воплощение, и продолжаться такие конфликты могут в течение жизни двух—трех поколений. Полностью предотвратить такие конфликты невозможно, однако можно уменьшить их потенциальную интенсивность, целенаправленно пропагандируя через школу и СМИ ценности интенсивных культур, в частности, методику разрешения социальных конфликтов.

Казалось бы, переход на режим интенсивного развития — это исключительно позитивное событие в истории русского этноса. Однако и с точки зрения мировой цивилизации, и с позиций самой русской культуры это не вполне так.

Русская культура — одна из последних, если не последняя экстенсивная культура Земли. Дальнейшее развитие экстенсивных культур возможно только в космическом масштабе. Экстенсивные культуры, помимо очевидных недостатков, на которых мы неоднократно останавливались в предыдущем изложении, имеют целый ряд очевидных достоинств, касающихся в первую очередь соотношения личности и общества. Собственно, счастлив человек может быть только в рамках экстенсивной культуры, поскольку она не налагает столь жестких ограничений на личность, как стабильная интенсивная культура, особенно человек, рожденный и воспитанный в экстенсивной культуре.

Против гибели последней экстенсивной культуры Земли и философское положение о необходимости сохранения культурного многообразия для выживания человечества. Наконец, в истории любой культуры, так же как человечества в целом, чередуются периоды экстенсивного и интенсивного развития. В настоящее время

происходит формирование единой культуры единого человечества, которая не будет, конечно, абсолютно гомогенной и лишенной локального и этнического многообразия, но которая будет пронизана (или уже пронизана) множеством информационных потоков, позволяющих рассматривать как большую систему, состоящую из множества подсистем.

По самой своей сути, по происхождению эта культура будет интенсивной, поскольку возникла она на базе слияния через взаимодействие целого ряда интенсивных культур, и прежде всего европейской культуры.

Не исключена, однако, возможность того, что перед мировой цивилизацией встанет необходимость дальнейшей внешней экспансии (например, в космическое пространство, хотя такой вариант развития, на наш взгляд, нельзя считать единственно возможным). В таком случае будут задействованы многие механизмы экстенсивной культуры. Поэтому далеко не очевидно, будет ли благом утрата огромного пласта русской национальной культуры, связанного с экстенсивным ее характером.

Но дело не только в том или ином пласте культуры. В отличие от культуры Западной Европы, которая изначально формировалась как культура интенсивная, русская культура была (стала) экстенсивной в самые первые века ее существования. Принцип экстенсивности лежит в самой ее основе, поэтому можно задаться вопросом, а как скажется на ней необходимость перехода к интенсивному развитию, не будет ли эта необходимость смертельной для культуры в целом. Этот чисто академический, на первый взгляд, вопрос на самом деле имеет принципиальное значение для решения многих чисто практических проблем развития русской цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Козлов В.И. Национальности СССР. М., 1975. С.84.
2. Говоренкова Т. Самоуправления: воспоминания о будущем // СССР: демографический прогноз. М., 1990. С.173-184.
3. Россия. Энциклопедический словарь. Репринт. Л., 1991 С. 81.
4. Ковалев С.А. Ковальская Н.Я. География населения СССР. М., 1980, С.196.
5. Чайнов А.В. Что такое аграрный вопрос? // Избранные произведения. М., 1989. С.23.
6. Миронов Б.Н. Историк и социология. М., 1984. С.23
7. Чайнов А.В. Указ. раб. С.42.
8. Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917-1923. М., 1990. С.536.
9. Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981. С.180.
10. Хаджнел Дж. Европейский типа брачности в ретроспективе; Павлик З. Проблемы демографической революции // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979.
11. Морозов Ю.А. Пути России (модернизация неевропейских культур). Вып. 1-4. М., 1991.
12. Тойнби Арн. Промышленный переворот в Англии в 18-ом столетии. М., 1898.
13. Цитируется по изданию: Казаков А.П., Карчевский П.А. Реферат-дайджест учебника К.Макконелла, С.Брю "Экономикс: принципы, проблемы и политика". М., 1993. С.20.
14. Солоневич И. Народная монархия. Репринт. М., 1991. С.246.
15. Рыбаковский Л. Захарова О. Демографическая ситуация в Российской Федерации: состояние и прогноз // Этнополис. 1992. N 2. С.87-96.